

Кирилл
ЛЕОНИДОВ

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦ*

Повесть

Июнь. Наконец-то позади школа. Мы в последний раз гуляем с классом по ночной, а потом уже утренней Москве, болтаем всякую чушь, мечтаем, строим самые великие и дурацкие планы. Но чувствуется, что каждый продолжает думать об одном и том же: о тех невероятных событиях, которые произошли в нашей школе в последний год, и об одном человеке, нашем бывшем однокласснике, ставшем их центром. Вольно или невольно мы заглянули через него за грань другого мира, тайного, скрытого от нас, но, как мне кажется, влияющего на всё происходящее. История, которую расскажу, покажется выдуманной, но это было. Точно было. Сто процентов. Мои друзья – свидетели, а в какой московской школе – не так уж и важно. Как говорится, без лишнего ажиотажа. Ведь дело не в том, где, а в том, что, как и зачем, верно?

ЯВЛЕНИЕ НОВИЧКА НАРОДУ: ТАК ВСЁ НАЧАЛОСЬ...

Он появился в нашем классе где-то в середине сентября. Да, точно, это было пятнадцатое или шестнадцатое сентября. Погодка была отличная, лучше, чем летом. Это время я очень люблю. Ни гнуса, ни комаров, ни духоты. Солнце – бархат, воздух – прозрачнее и чище, потому

* Публикуется в сокращении.

что пыли меньше. Ну, а ещё наши возвращаются с каникул, и рассказов у всех полно. Кто, где, что...

За лето все так меняются. И дело не в том, что вырастают в сантиметрах, а глаза меняются. Появляется в них какая-то серьёзность, аж не по себе становится. У кого-то из пацанов усы лезут, кое-кто наколку зафигачил, а Нонка Овчинникова вообще выиграла кастинг на модель! Во дела! В первые дни сентября в классе всегда очень весело, настроение приподнятое, народ не может наговориться, а учителя – успокоить. В сентябре, так же, как и в мае, не до учёбы. А тут ещё такое: новичок в одиннадцатый класс! Интересно, что за кент, чем дышит? Ему-то потруднее, чем нам: нас много, а он один.

Классуха Изольда Эдуардовна, наша немка, представила его классу на уроке физики как прибывшего из Питера. Семья переехала, и вот на тебе – новая школа. «Тяжёлая доля, – думал я. – Родители планы строят, а мы свои похериваем». В общем, пацан вроде ничего, высокий, сказал, что играет в баскетбол. Фамилия звучит – Левитин. А вот имя подкачало – Вениамин. Венька, Веньк, трень, бреньк – чёрт-те что! Считаю, что родители тысячу раз должны взвесить, прежде чем обзывать ребёнка. О чём думали его мать с отцом? То ли дело я – Морозов Славка. Славка и есть Славка. Настоящее пацанское имя. С ним

ГОРКОВЕНКО Сергей Алексеевич (псевдоним Кирилл Леонидов) родился в 1960 году в Новокузнецке. В 1980 году окончил монтажный техникум, отслужил в рядах Советской армии. Работал в строительной-монтажной организации, газорезчиком и подручным сталевара на Кузметкомбинате. В 1990 году окончил КемГУ по специальности правоведение, работал в Сбербанке, в строительной-финансовой организации, последние тринадцать лет был федеральным судьёй. В настоящее время находится в отставке. Живёт в Новокузнецке.

и во дворе не пропадёшь, и на заводе, да хоть в офисе: «Славка, начинай грузить». Или: «Вячеслав Сергеевич, дайте нам, пожалуйста, сводку на день...». И так и этак – всё ништяк.

Ну, в общем, представили нам Вениамина, а потом физичка отправила его за парту к Катерине, малохольной нашей, синему чулку. Та аж сомлела, глазки прячет. А Вениамин небрежно так прошёл, сел. Ни «здрассти», ни «привет», как будто рядом место пустое. Высокомерный... Это плохо. Ничего, на место поставим, если понадобится. У нас класс что надо. Тут вдруг Вениамин поднял руку. Класс замер: «Ну и?» – как-никак первая реплика в нашем «театре»!

– Можно я пересяду?.. Вон туда!

Он кивнул головой... в мою сторону. Я сидел один.

– Почему? – удивилась Маргарита Львовна, «С чего бы это?» – озадаченно подумал я.

– А можно не отвечать на ваш вопрос?

Вениамин спросил спокойно, без тени смущения. Он смотрел на физичку, как на чучело медведя в музее – с любопытством, но без страха.

– И всё-таки? – настояла та, слегка раздражаясь.

Раздражение у неё наступает быстро: нервы расшатаны большим педстажем, ничего тут не поделаешь. Класс опять заинтригован: какое-никакое, а развлечение. Да ещё знаковое – новичок выпендривается. Очень интересно, во что это всё выльется.

Вениамин как будто грустно усмехнулся:

– Если вы хотите, чтобы человек вам принадлежал, дайте ему право выбора.

– Я не претендую на вас как на свою собственность.

Тут у Маргоши от такой наглости учащегося зажглись все «фонари», того и гляди «коротить» начнёт.

– Напрасно, я готов был отдаться, – сказал он, вдруг встал и пересел ко мне.

Вот просто так встал и пересел, даже не спросив разрешения у меня. А я тоже рот разинул, как под гипнозом. Другому бы сразу заявил, как отрезал: «Пошёл-ка ты!» А тут... ничего не понимаю!

– Если ты в первую же минуту начинаешь своё пребывание в чужом монастыре с цитирования своего устава, то...

Маргарита съязвила, поедая его глазами, и вся пылала от возмущения. Щеки её стали пун-

цовыми, а левый глаз при этом ещё слегка задёргался. Однако Вениамин демонстрировал само миролюбие. Он будто не понимал, в чём вообще проблема:

– Да какая разница, куда я сел! Женщины просто мешают сосредоточиться. Спросите третий закон термодинамики, поднимется настроение, потому что я его знаю. Не верите?

– В таком случае, я для вас не женщина, – предупредила Маргарита, ничего не ответив насчёт закона термодинамики, и сразу же приступила к уроку.

Может быть, потому, что не знала, как реагировать. А если этот выскочка и вправду знает закон, который они ещё не скоро в этом году начнут изучать? Дать ему возможность таким образом укрепить авторитет неформального лидера? Ни за что!

Когда класс потянулся по коридору на другой урок, ко мне как бы невзначай подгрёб мой друг Родион Заболотнов, кивнув в сторону Вениамина спросил:

– Чё за пижон? Откуда он знает третий закон термодинамики? Он физику как бестселлер читает?

– Может, и читает, – пожал я плечами. – Посмотрим.

– Если он такой умный, я – второй в очереди списывать контрольные. После тебя, конечно...

ДЕМОНСТРАЦИЯ СТРАННОСТЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Весь сентябрь и октябрь наш новенький выдавал такие перлы, что мы просто реально не знали, как нам на него реагировать, как всё оценивать. Но всё по порядку.

На уроке истории историк Игорь Иванович опять интересные вещи рассказывал, говорит:

– Видел я вчера на Первом канале передачу «Круглый стол» у Познера, посвящённую отношениям России и Запада. Познер задался вопросом: почему между Россией и Западом всегда некая пропасть? Почему нет доверия, а происходит постоянная конфронтация во всех сферах, непонимание, противостояние... Были там у него в гостях Лужков, Кончаловский, Аксёнов, некоторые деятели от политики. Одни говорили, что это противостояние – козни извечных врагов России, другие – что Россия, то есть российское общество, сама выдумала проблему, вместо того чтобы изменять себя, интегрироваться в мировое сообщество. Как Познер ни

пытался выяснить у них, в чём причины, корни такого долгого исторического противостояния, никто ничего ему определённого не сказал. Только Лужков попытался отдаленно сформулировать: это, мол, некие традиции, уходящие вглубь истории, сформировавшиеся исторические реалии. Но, простите, какие реалии? Ведь надо знать, в чём причина явления? А вот у меня есть версия, и я с вами поделюсь соображениями. Достаточно простая версия и, как мне кажется, близкая к истине. Во-первых, в каких климатических условиях жили издревле люди, поселившиеся в Европе, а в каких – на территории Руси? В Европе был тогда (и пока ещё остаётся сейчас) в целом влажный климат с влиянием тёплых океанских течений, плодородная земля. Здесь получило развитие индивидуальное землевладение, потому что такую землю удобно обрабатывать, она даёт высокий урожай, и нет необходимости создавать большие коллективы работников, вполне достаточно одной семьи. Сельскохозяйственный период по времени достаточен, чтобы всей семьёй обрабатывать землю не спеша, заботясь о качестве, ведь на рынке таких индивидуальных производителей всегда высокая конкуренция – земля хорошая у всех. Потребители здесь тоже достаточно избалованы: они привыкли к продукции, выращенной на плодородной земле в благоприятном климате. Кроме того, не надо забывать, что Европа унаследовала традиции римской жизни. Это, прежде всего, римские политические институты, римское право, достижения Рима в области архитектуры и градостроительства, инженерные изобретения. Уже сейчас стало известно, что в Древнем Риме существовала настоящая промышленность, были заводы, работавшие хотя и на энергии воды, но тем не менее. Качество жизни у римлян – тех, кто передал по наследству свои достижения следующей за ними европейской цивилизации, было очень высоким. Правда, похолодание климата и, как следствие, болезни, мор, голод, межфеодалные конфликты и давление католической Церкви в XIII веке отбросили Европу назад в плане качества жизни. Но скоро Европа опять обрела океанскую влагу, тепло и плодородие. Итак, в Европе – индивидуальное землевладение, культ качества, всё производится тщательно, без спешки. Как скажется такая жизнь на национальном характере? Хромченко?

Долговязый Хромченко неуверенно изрёк, поднимаясь над столом, как жираф с колен:

– Ни с кем делиться не надо. Всего ж полно...
Класс заржал...

– Правильно Хромченко, пятёрка с занесением в журнал! Действительно, незачем объединяться. Всё можно сделать одной семьёй. Главное – сделать лучше, чем у соседей, и не столько больше, сколько лучше! В этом случае формируется производитель с характером основательности: он привык нести персональную ответственность за всё, что делает. Но он не спешит и кому-то помочь, чужие проблемы его волнуют меньше. Он – индивидуалист, он требует к себе уважения, он хочет, чтобы государство с ним считалось. А что же в России, Светлакова?

– Климат холоднее, сельскохозяйственный период короче...

– Ну, ещё?

– ...

– А ещё... – продолжил Игорь Иванович, – земля в основном покрыта лесами, чтобы её обрабатывать, надо пилить деревья, корчевать пни, а времени летом мало. Как правильно заметила Светлакова, летний период обработки земли совсем короткий. Отсюда что? Получило развитие коллективное, а не индивидуальное землевладение, всё надо было сделать быстро, а значит, помогать друг другу. Вот откуда наша щедрость и стремление помочь ближнему. Но отсюда же – торопливость, поверхностность, привычка хвататься за всё сразу, не доводя ничего до конца, низкое качество работы. А теперь представьте себе: вот такая страна на огромной территории. Как ею можно было управлять в тех исторических условиях, когда ещё не было явления экономической интеграции? Да, конечно, путём жесточайшей централизации всей жизни, иначе страна растечётся, как жидкое варенье с куском хлеба. Вот откуда склонность к авторитарной системе правления и коллективному хозяйствованию, а значит, к идее социального равенства в сочетании с жёсткой вертикалью власти. Зная это, начинаешь понимать, как в нас с вами уживается душевная доброта и допустимость лжи и жестокости власти. Не надо забывать и того, что страна наша развивалась в сложных геополитических условиях: с одной стороны напирала Европа, с другой стороны – Азия: все хотели отхватить кусок от русской земли. В нас течёт кровь как европейцев, так и кочевников, мы восприняли как культуру Европы, так и культуру Азии, наша территория – материк Евразия. Вот и судите сами, кто мы: европейцы или азиаты? Да то и

другое сразу! Нельзя говорить, что у нас самобытный характер, а у европейцев универсальный. На самом деле у них и у нас самобытные характеры, просто вся Европа, все её страны, развились примерно в одних социально-экономических, климатических условиях, а мы на своей огромной территории – в других. И ни им нас и ни нам их учить не надо, каждый прошёл свой исторический путь. Другое дело, что в этой нашей совместной истории были трудные страницы, политые кровью. Никто ещё ничего не забыл. Доверие придётся пестовать столетиями новой жизни, если кто-то опять не решит переделывать мир на свой лад.

– Ну и каков же вывод? – встрял скептически улыбающийся до этого Вениамин.

– Выводы делать вам самим, – сказал Игорь Иванович.

– Это слишком удобный ответ, беспрояснительный, – возразил Вениамин. – Почему в стране получает развитие национализм? Почему мы не хотим взять всё лучшее у них, а им предложить свои лучшие качества. Почему суверенитет для нас был всегда выше всего? Пусть дерьмо, но своё? Так, что ли?

– Суверенитет не дерьмо, – вежливо возразил историк. – Он важен не только для нас, он важен для всех. И для Европы – тоже. Независимая политика и патриотизм – неотъемлемое явление и европейской жизни.

Вениамин вдруг криво усмехнулся:

– Да патриотизм надо корчевать, как заразу! Самое страшное изобретение цивилизации – чувство национализма – патриотизма. Европа и Америка эту проблему, кстати, успешно решают: там гордятся реальными достижениями. А у нас рвут рубаху на груди: «Еду я на Родину, пусть кричат: «Уродина!», хоть и не красавица, но она нам нравится...» В общем, сами жить не будем и другим не дадим.

Вот это да... Мы притихли. Переводим взгляд с новенького на историка. Что теперь будет? Надо отдать должное Иванычу, хоть и не любил я его за скупые оценки (выше четвёрки мало кому ставил), но держать удар он мастак. Ни один мускул не дрогнул! Внимательно на Веньку этого смотрит, даже с некоторым любопытством (ещё бы, редко такие экземпляры попадаются), говорит:

– Вы считаете, что идеальным следует считать человека, лишённого любви к своей Родине?

А Вениамин в раж вошёл, шпарит, как по писанному (откуда всему нахватался?!):

– Родина, – говорит, – там, где тебе хорошо. Вы же не будете любить родственника, который сам вас терпеть не может, который принёс вам или другим вашим близким горе, страдания. Как и за что можно любить «уродину»? Я не желаю любить «уродину»! Вот когда она станет лучше, гуманнее, добрее и терпимее, тогда – да! А сегодня мне больше нравится, например, Норвегия. Правда, к ней я никакого отношения не имею, к сожалению. А вообще, я люблю весь мир, пусть весь мир будет открыт для меня, для других, вот тогда и можно будет говорить об искренности чувств. Я – человек мира!

В классе кто-то из девочек даже хлопнул пару раз в ладоши. Новичок кого-то уже очаровал... А Вениамин, между прочим, закончил очень даже миролюбиво, наверно, чтобы обстановку разрядить:

– Игорь Иванович, да проблема разрешится сама собой, вы же о климате начали говорить? Он, по-вашему, первопричина? Так глобальное потепление всё на места и расставит, всех примирит! У них в Европе, да и в Америке, похолодает, айсберги растают, температура тёплых океанских течений упадёт, уже сейчас у них морозы бьют, а у нас наоборот – теплеет, мы от океана меньше зависим. Поэтому наши национальные характеры выровняются, станут похожими, плюс экономическая интеграция – и никакого национализма!

В этот момент я глянул на историка, и стало мне не по себе: он чуть прищурил глаза и долго изучающе смотрел на Веньку, как будто спрашивал его: «Ты вообще откуда такой взялся?»

Вот такой случай... Да если бы один! Вот другой пример Вениаминовых «вторжений» в наше «тихое болотце». Когда, например, обществовед на уроке выразил отрицательные суждения по поводу глобализации экономики, Вениамин негромко заметил:

– Назовите мне хотя бы одну проблему, которая на Земле не носит глобальный характер? Может, экологическая проблема, или СПИД, или наркомания?

– Алкоголизм! – засмеялся мой друг Родион Заболотнов. – Он чисто российский!

– Ерунда, – возразил Вениамин. – Алкоголизм распространён во Франции, в Испании, много пьют немцы, американцы. А украинцы? Разве этим грешим только мы?

– Откуда ты знаешь, где сколько пьют, ты что, там жил? – возмущился Родион.

Но Вениамин заявил:

– У меня есть цифры, статистика. Я могу их показать, если надо.

– Тебе чё, делать нечего: всякую ерунду изучаешь?!

– Интересно.

– Впервые такого придурка вижу. Все, блин, ему интересно...

– Так вот, – продолжил упорный Вениамин Левитин. – Раз многие проблемы носят глобальный характер, разве не глобальная экономика их может решить? Без координации здесь не обойтись. В будущем всё будет одно: экономика, язык, культура, даже антропологически будет единый народ, – он усмехнулся, – чёрный и узкоглазый.

Все грохнули от смеха: вот так перспектива, вот так народ! Кто-то, не помню кто, тогда заметил:

– А что, на тэвэ сидит же ведущий Василий Зайцев, негритос, и на «Фабрике звёзд» скоро половина афрорусов будет!

На уроке английского этот чёртов Левитин совершенно свободно говорил с англичанкой на настоящем английском, чем привел её в эйфорическое состояние, а на физкультуре играл в баскетбол, как Майкл Джордан, – одни трёхочковые и двадцать пять подборов за игру! Такого игрока в нашей школе ещё не было! Зверь! Наш физрук Потапыч за голову схватился, а потом долго держал вверх большой палец. Вот так подарок школе перед чемпионатом города! А ещё по школе ходили разговоры (я, правда, сам не видел, но зря говорить не будут), какого-то «выпендрона», который у «мелких» деньги отбирал, Левитин так саданул по морде, что сразу – нокаут. Молоток наш парень! Основа крепкая, пацанская, а с остальным потом разберёмся.

Я И ВЕНЬКА СТАНОВИМСЯ ДРУЖБАНАМИ (ВОТ ЭТО ДА!)

Наше соседство с Левитиным за одной партой не приводило к каким-либо взаимным откровенностям. На уроках мы не разговаривали, вне школы тоже не общались. У меня нет привычки кому-то навязываться в друзья. Если человек не проявляет ко мне особого любопытства, то и мне по барабану. Но вот однажды как-то с пацанами играли в футбол на школьном стадионе. Веньки с нами не было, играли на деньги, так что матч

получился жёстким. Нам, с трудом, но удалось выиграть. Не скрою, пришлось немного ребятами поуправлять, расставить их, кому-то что-то подсказать, как сказали бы профессионалы, поставить игру в нужный момент. Когда всё закончилось, и мы, посчитав рубли, пошли в раздевалку, меня окликнул Левитин. Он, оказывается, смотрел игру, сидя на лавочке за деревьями так, что, если не обращать на него внимания, и не заметишь. Я настороженно остановился: чего это он? Когда Венька подошёл, на лице его была довольная улыбка, будто он эту игру выиграл.

– Хорошо у вас получилось.

– Нам патриотизм помог, – не глядя на него, поддел я.

То, что ему не нравится патриотизм, не понравилось мне и многим моим друзьям. Это не по-нашему. Мы выросли во дворах, в небольших коллективах, где все держались друг за друга. Принять такие высказывания мы не могли никак.

– В данном случае это не патриотизм, а командный дух, Славка, это не одно и то же, – добродушно, без тени свойственной ему иронии возразил Вениамин. – Командный, корпоративный дух, дух организации – это великое дело. Мне понравилось, как ты «рулил» игрой. Парни тебя слушают, у тебя есть лидерские качества.

– Да какие там качества! – отмахнулся я смущённо (хотя, не скрою, замечание Левитина мне польстило).

Но Венька был настойчив, как будто старался убедить в своей искренности:

– Нет-нет, ты зря, лидерские качества и интуитивное знание человеческой психологии у тебя есть. Ты мог бы работать менеджером в компании, ну, может быть, не первым лицом, но вторым точно. Или на государственной службе, да, я точно представляю тебя на государственной службе: заместителем министра, например...

Мы оба посмеялись над этой шуткой. Но тут улыбка постепенно сползла с Венькиного лица, он сказал:

– Славян, тут идея есть одна, пойдём в кафешку сходим, поболтаем?

– А куда?

– Ну, в «Три слона» давай, тут рядом.

– У меня, конечно, деньги есть после этой игры, но... их не хватит, наверно.

Вениамин усмехнулся, хлопнул меня по плечу:

– Оставь их себе, я угощаю.

Я пожал плечами, мол, как знаешь, и мы отправились в кафе «Три слона». Заказали горячее, кофе капучино, коктейль молочный. Я обалдел от того, сколько это может стоить, но Вениамин успокоил: ничего, мол, заказывай, деньги есть.

– Ты что, сможешь за всё это расплатиться? – спросил я.

– Нет проблем.

– Родаки щедрость проявляют?

– Частично, в основном это мои деньги.

– Ну да? Подрабатываешь?

– Угадал.

– И как, если не секрет?

– Пока секрет.

Вениамин с удовольствием отхлебнул горячий пенный кофе:

– Пиво хочешь?

– Можно. Тебе дадут?

– Я часто бываю в этом кафе, да и принимают они меня за восемнадцатилетнего, разве не сойду?

– Сойдешь.

– Ну вот.

Он без проблем притащил ещё пива «ноль пять», но себе не взял.

– А сам? – удивился я.

– Не хочу.

Он молча наблюдал некоторое время, как я с увлечением глотаю запретное пиво, потом сказал:

– Школа у вас ничего. Ребята, в общем, неплохие. А вот педагогический коллектив – так себе, рутинёры.

– Кто-кто?

– Ну, рутинёры – скучные, мелкие служащие, у которых никакого творчества, только одно в голове: как бы домой побыстрее свалить. Практически нет людей, независимо мыслящих. Все находятся в плену каких-то старых представлений и установок, профессиональные качества куда не годятся, да и человеческие... Математичка мечет треугольники в учеников, а на уроке литературы, помнишь, преподаватель, эта, как её, Софья Павловна, декламирует: «Человек – это звучит гордо!» – и дышит утренним перегаром. Когда она успевает, зараза?

– Не говори, – подхватил я. – А физичка, та всё на себе показывает: «Представьте, что я электрон». И начинает метаться вдоль доски туда-сюда, туда-сюда, а весу в ней, ты же видел, килограммов сто, наверно. Эффектно... А ОБЖ

засыпает на уроке. Но... только что из этого всего? Год остался, – философски изрёк я. – Потерпим, а потом...

– Почему потом? – возмутился Левитин. – Жизнь наступит не завтра, в другую, взрослую эпоху, за пределами школы. Она происходит сейчас. Здесь и немедленно формируется каждый из нас каждым поступком, каждой новой мыслишкой, вот тут.

Он выразительно показал пальцем на свой лоб.

– Ну и что ты хочешь сказать? Мы каждого из них знаем с первых классов, ну вот такие они, что тут сделаешь? А мы-то лучше, что ли? «Бэд стрит бойс»¹...

– Если захотим что-то изменить, значит, ещё не все потеряно, – заметил Левитин. – Что-нибудь слышал о школьном самоуправлении? Это вроде второй орган, как бы наравне с педсоветом. Он способен решать многие вопросы самоуправления в школе. Давай поможем нашим взрослым управленцам навести порядок в школе? Кроме того, уже сейчас будем готовить себя к более серьёзным задачам, которые предстоит решать завтра. Не ждать этого «завтра», потому что нас там тоже особо никто не ждёт, а входить в будущее через настоящее хозяевами. Сначала маленькими хозяйчиками, – он усмехнулся, – а потом большими.

23

Тут и я не удержался, восхитившись Венькой:

– Ты, Левитин, базаришь, как будто тебе лет сорок, юноша-старик. Ты где всего этого набрался?

– Потому что любопытный. Мне интересен политех, понимаешь?

– Ч-чего?

– Ну, политический процесс, процесс управления людьми и взаимоотношения между отдельными людьми и группами. Это захватывающее дело. В будущем хочу заниматься этим профессионально.

– В депутаты, что ли, пойдёшь? – усмехнулся я.

Венька многозначительно покачал головой:

– Нет, реальная политика делается не в законодательном и не в исполнительном органе, а в другом месте. И так происходит почти во всем мире.

– И где же? – заинтересовался я.

¹ Аналогия с названием музыкальной группы «Bad Street Boys» (перевод с англ. «Плохие парни с улицы»).

– Всё равно пока ещё не поймёшь. Ну, так про самоуправление что скажешь?

– Идея интересная, только её никто не поддерживает.

– Ты поддержишь?

– Поддержу.

В этот момент я почему-то проникся к Веньке таким чувством благодарности и уважения, что даже немного прослезился (наверно, пиво подействовало). Мне захотелось его чем-нибудь обязательно приятно удивить. Я достал из кармана свой секрет – коробку с сигарами, извлек из неё одну и показал Левитину:

– Настоящие кубинские – супер! Хочешь?

– Слава, завязывай, нас выгонят отсюда! – запротестовал Венька, оглядываясь на бармена.

Но было поздно, лучше бы он пивом меня не поил. Я вставил сигару в рот, что-то пробормотал про то, что нас за дальним столиком совсем не видно, зажёл её с шиком и затянулся. В следующий момент в моей голове так шарахнуло, что, как потом мне рассказывал Левитин, я опрокинулся на стуле и улетел назад прямо с сигарой во рту, повергнув в шок всё кафе.

«РЕФЕРЕНДУМ»

На следующий день утром Левитин неожиданно появился у меня дома.

– О-па! А ты откуда мой адрес-то узнал? – вяло осведомился я.

Венька посмотрел на меня, как на конченого придурка:

– Кто хочет что-то узнать, тот сообразит, откуда взять нужную информацию... Почему на уроке не был?

– Ай... Голова болит после вчерашнего пива твоего.

Я извинился, чтобы снова отправиться в ванную, попросил Веньку посидеть и подождать. Тот прошёл ко мне в комнату, а я продолжил вымачивать организм прохладной водой. Из ванной кричу ему:

– Ты тоже не пошёл на английский?

– Ну да.

– А чего?

– Я и так по два-три часа в день занимаюсь. Самая лучшая вещь – это самообразование. Потому что «само», а не из-под палки. Англичанка к тому ж не говорит по-английски.

– Почему не говорит, она же говорит!

– Да брось ты. Как она говорит, так её ни один англичанин не поймёт.

– Венька, а почему мне так хреново?

– Этанол в сочетании с радиоактивным полонием-210 – гремучая смесь.

– Что такое этанол?

– Алкоголь.

– А...

– Чего «а»?! Алкоголь – настоящий наркотик.

– Почему же его продают?

– Это длинная история, выгодно для бюджета государства. Так оно по наивности своей или по злему умыслу считает. Да и природа человечества такова: одна часть – сознательные, другая – импульсивные. Импульсивные будут пить и колотиться всегда, потому что – быдло. И это хорошо, что они есть. Ресурсов Земли на всех не хватит. Значит, кто-то должен умереть молодым...

Я чуть не поскользнулся в ванной при последних словах Веньки, мокрый выбрался наружу:

– Ну ты жёсткий парень...

– Я хоть и жёсткий, – невозмутимо ответил Левитин, разглядывая на стене мои плакаты группы «Ария», – но самый гуманный. Гуманность не всегда есть жалость. Гуманность – это жёсткая справедливость.

– Так я, по-твоему, тоже импульсивный, раз ты мне пиво предлагал?

– Вот и угощай после этого... Расслабься, имеешь хорошие перспективы.

– Спасибо и на том. А чё это ты мне про полоний-210 здесь говорил?

– Все просто. Это радиоактивный элемент, в тысяча девятьсот сорок шестом году американцы открыли его в табаке. Так что поздравляю, вчера кое-кто получил приличную дозу облучения.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно.

– Во блин!

Я пригласил Веньку на кухню пить чай, и тот опять вернулся к разговору в кафе:

– Ну и как насчёт самоуправления?

– Опять ты про это! Идеи становятся материальной силой, говорил дедушка Ленин, когда овладевают массами. Вот когда эти твои идеи нашими массами овладеют, тогда и посмотрим.

– Урок истории в миниатюре, – вздохнул с разочарованием Левитин. – Когда ты пил пиво, то был сговорчивее. Вот так спаивали североамериканских индейцев и чукчей, между прочим, тоже.

– Поосторожнее на поворотах! – обиделся я.

На этом про самоуправление разговор закончился. Но у меня уже тогда было чувство, что он всего-навсего отложен. Венька так просто своих позиций не сдаёт.

И точно, очень скоро у него было много сторонников не только в нашем классе, но и в других тоже. Сделал он это оригинальным способом, о котором рассказал мне: он собрал номера мобильных телефонов у многих ребят (и у парней, и у девчонок) разными путями, иногда чей-то номер узнавал через несколько человек, когда не получалось взять его прямо у хозяина. Он предлагал сообщать ему по телефону о том, что кому в школе не нравится и что можно придумать новое и интересное, засекретив при этом номер, чтобы звонок был анонимным. Он объяснил, как этот номер засекретить, и процесс пошёл: девчонки были недовольны тем, что много ограничений на одежду и косметику, парни из старших классов – запретом организовать школьную рок-группу, младшим классам не нравилось, что им мало предоставляют времени для спортивного зала. Один мальчик пожаловался на учительницу пения, которая заставляла класс петь всё время одно и то же.

Кроме этого, абоненты жаловались на отсутствие нормального школьного футбольного поля и катка, ещё предлагали упразднить лыжные кроссы, прививки, посещение стоматолога, дневники, о контрольных работах сообщать заранее, зарубить на корню самую идею единого госэкзамена. Венька был на седьмом небе и решил немедленно закрепить успех. Через месяц провёл референдум по СМС с учениками, начиная с пятого класса, на котором поставил один вопрос: «Желаете ли вы, чтобы в школе работало школьное самоуправление из числа избранных учениками делегатов от каждого класса?». Успех был ошеломляющим: «за» проголосовало более восьмидесяти процентов, правда, половина из них сначала уточнила: «А чего это такое?», «Опять заставлять чего-нибудь делать будут?»

– Вот, Слава, глас народа! – то ли с гордостью, то ли с иронией сообщил Левитин. – А ты? Где же твой свободный голос?

– «А чего это такое?» – ехидно спародировал я одну из СМС.

Венька коротко пояснил, сделав вид, что не обращает внимания на моё ехидство:

– Вот смотри на простом примере: физичка двойку тебе поставит несправедливо, а ты жалобу напишешь в совет школьного самоуправле-

ния. Совет её рассмотрит с участием свидетелей и, если найдёт жалобу обоснованной, рекомендует физичке исправить двойку. Если же она откажется, тогда жалобу направят директору и копию – родителям ребёнка, которые сами потом с этим учителем и разберутся.

Я остолбенел:

– У тебя с головой всё в порядке?

– В полном! То, что ещё недавно казалось абсурдом, станет явью. Главное, не ставить себе заранее ограничитель из условностей, страха, предубеждений. Семейный кодекс: «Каждый ребёнок имеет право выражать своё мнение».

– У нас точно плюрализм, тут двух мнений быть не может, – съязвил я под Задорнова. – Наш житейский кодекс говорит своё: «Каждый родитель и учитель имеет право с этим мнением не согласиться и врезать».

– Можно и не согласиться, и вообще внимания не обращать, но рискованно, – Вениамин многозначительно причмокнул губами, как бы подводя итог нашей дискуссии. – Если в обществе нет демократии, оно рискует ввергнуть себя в хаос революции.

Слушая его, как казалось мне, бредни, я не мог тогда знать, даже не представлял, как далеко всё зайдёт в реальной жизни и что я сам приму в этом во всём самое деятельное участие.

КАК ВЕНИАМИН «ПОВЫСИЛ» УСПЕВАЕМОСТЬ В ШКОЛЕ

Скоро я узнал, как Левитин зарабатывает деньги. Он делал домашние работы, сочинения и рефераты за деньги. К нему в очередь встали почти все. Венька завёл компьютерную базу на своих клиентов, работы делал быстро, непринуждённо. Не надо быть астрологом, чтобы предсказать такому бизнесу в школе процветание. Многие Веньке отдавали почти все свои обеденные деньги. Не стал исключением и я. Сначала, правда, посомневался. Моральный фактор меня насторожил. Всё-таки нехорошо чужим умом жить. На это Левитин резонно заметил:

– В школе есть предметы, которые тебе нужны, а ведь есть и такие, которые ты на все сто процентов забудешь за дверями школы. Но именно на этих предметах «влетаешь» больше всего, разве не так? А с другой стороны, раз они нелюбимые, то и знаешь ты их хуже всего. Вот у тебя какой профиль?

– Орлиный. Нос большой.

– Да я не про это говорю! Ты же гуманитарные науки больше любишь, чем точные?

– Ну да.

– Так зачем на этих формулах свою гуманитарную душу-то выматывать! Если это не твоё, а программа школьная тебе навязывает, значит, надо эту самую программу обмануть. Когда пытаются сделать идиота из тебя, опереди, сделай идиотами их самих. Я бы после пятого, шестого класса вообще предложил через тестирование выбирать, какие предметы учить: гуманитарные или точные, некоторые вообще бы исключил, а кое-что добавил: космологию, например, историю искусства, политологию, основы права и ещё кое-что. Так что, бери, Слава, пользуйся моими знаниями, пока я есть! Пользуйся там и тогда, где и когда напрягаться не видишь смысла. Всё на свете знать и уметь невозможно. Между прочим, обойдётся дешевле, чем в специализированных фирмах.

Вот так я тоже стал Венькиным клиентом. Месяца через два наши преподаватели сияли счастливыми улыбками. Зоя Олеговна после очередной блестяще выполненной классом накануне домашней работы встретила нас на уроке в восторженном состоянии. Она никогда не смотрела так ласково, так любяще. Все даже засмутились, уж очень это было необычно после летающих треугольников. Пауза немного счастья длилась секунды, наверно, три. Первым не выдержал слабонервный тупой здоровяк Коля Прошкин. Особенно, когда взгляд математички остановился на нём:

– Чего?.. – простодушно улыбнулся Коля, отводя взгляд от ласковых глаз Олеговны.

– Как, чего? Ты впервые нормально выполнил домашнюю работу! Успеваемость в классе поднялась! Ребята, что это?

– Пересматриваем отношение, – весело ответил мой друг Родион.

Я посмотрел на Веньку: он сидел с невозмутимым видом. Мне показалось, что ему нравится быть серым кардиналом и изменять мир, не высовываясь. Наверно, в этом действительно есть своя фишка – со стороны наблюдать свои творения.

Однако так продолжалось недолго. Очень скоро резко ухудшились показатели по контрольным работам в классе. Это противоречие насторожило учителей, и началось следствие. Вениамина вычислили очень быстро и пригласили на педсовет. Что там было! Вопрос стоял

об исключении из школы. А, с другой стороны, за что исключать? Он же никого не принуждал, спрашивать надо было с тех, кто к нему обращался. Собственно, об этом хитрый Левитин и говорил на педсовете, поставив своих «судей» в тупик:

– Вы же не исключаете из школы тех отличников, у которых списывают с их согласия? Ну списывают, ну и что? Если человек не может подтвердить перед вами свои знания, которые изложены на бумаге, спросите с этого человека, наверно, он списал, а не тот, кто сделал работу за него. И, кстати, я своих клиентов предупреждаю...

– Вы посмотрите, этот щенок ещё их клиентами называет! – возмутилась Маргарита Львовна.

– Я своих клиентов предупреждаю, – продолжил Венька, – если поймают – все претензии к себе. И всё понятно! Я зарабатываю умом, а они платят за свою лень и глупость. И я – не щенок.

Тут выступил директор Семён Анатольевич. Огромный мужичина. Говорят, он кирпич ладонью разбить может, как каратист. Как рассказал мне потом Венька, тот чуть не задохнулся от гнева, всё лицо пятнами пошло:

– Левитин, вы же фальшивомонетчик, понимаете, вы рушите образовательную систему: теряет смысл всё обучение!

– Свобода договора, господа. Давайте учить так, чтобы у меня клиентов не было, – откровенно схамил Вениамин.

На какое-то мгновение все замерли как в оцепенении от беспощадной логики Левитина. В этот момент Венька понял, что переборщил, озвучив такую правду, которую произносить не следовало ни при каких обстоятельствах. Он тут же поправился, почти пробормотав:

– Хотя я признаю, что в масштабах явно перебрал... В общем, ладно, это дело я прекращу...

Но было поздно, тут же на него обрушился вулкан учительского возмущения. Гвалт стоял такой, что ученики младших классов в коридоре притихли. Их просто переорали.

Тогда Вениамин действительно прекратил поставленное на широкую ногу «это дело», мне тоже уже ничего не предлагал, да и я на рожон не лез. Но ходили слухи, что он просто резко поднял цены, и обратиться теперь мог далеко не каждый, а значит, с прекращением массовости выявить какой-либо отдельный случай стало сложнее.

АНЯ

Аня училась в нашем классе, но для меня оставалась загадочной и недоступной, как отрешённая от всего в небе звезда. Эх, я загнул! Но об этой девчонке сложно говорить приземлённым бытовым языком. Тонкие черты лица, умные красивые глаза, а волосы... Её тёмные волосы волнами опускались к плечам, и я мечтал хотя бы когда-нибудь прикоснуться к ним, ну придумать какой-нибудь дурацкий повод и провести пальцем, ладонью... А вот если бы прижаться лицом, окунуться в стихию другого, такого дорогого для меня мира, нежась в локонах, вдыхая всякие её кремы и парфюмы...

Как-то на уроке Венька заметил мои короткие, быстрые взгляды в её сторону, хмыкнул понимающе и прошептал:

– Если есть мечта, к ней надо идти, несмотря ни на какие препятствия.

Он продолжил:

– Да ладно, можешь не отвечать, и так видно, как ты страдаешь, лошара.

– Слушай...

– Ладно-ладно.

На этом обмен мнениями закончился. Но по-настоящему я на Веньку вовсе и не обиделся. На что тут обижаться? Просто было неприятно, что меня уличили в слабости. Однако я попытался внять совету Левитина и как-то после уроков взял да и подошёл к ней прямо на выходе из школы. Она смотрела на меня удивлённо, как можно смотреть на человека, который наступил тебе на ногу в автобусе («Мужчина, я ваще не поняла!»):

– Ань, давай куда-нибудь сходим вместе?

– Зачем?

В её глазах было столько естественного недоумения, что я впал в отчаяние. Горячий ветер позора, как из тепловой пушки, обдал мои щёки, и лицо в момент загорелось жаром.

– Да так... просто.

Язык же, наоборот, задеревенел, как и мои мозги. Таким глупым я себя ещё не ощущал никогда и, пожав плечами, отошёл так же внезапно, как и подошёл. Это было не менее глупо. Хотя бы перевел разговор на другую тему, как-то пошутил, сгладил впечатление от нелепого предложения. Ну, дурак, чего уж тут скажешь... Тут я впервые за всё время пожалел, что Аня учится в нашем классе, и мне теперь всякий раз придётся делать вид, что ничего не произошло. Каждый раз, пока я не забуду эту нелепость. Своё раз-

дражение я перенёс на Левитина, выговорил ему на следующий день на математике:

– Сделал я, как ты советовал, на свою голову...

– Что? – Венька поднял брови, не глядя на меня, размышляя над задачей.

– Пошёл к своей мечте.

– И что?

– Мечта задала мне вопрос.

– Какой?

– Зачем, говорит, это надо?

– Что надо?

– Чтобы мы были рядом.

Левитин наконец отвлекся, повернулся ко мне:

– И при этом твоя мечта смотрела на тебя, как на идиота?

– Точно.

– Ну что я могу сказать, это вполне закономерно.

Тут я совсем разозлился:

– Я всё делал по твоей инструкции, между прочим.

– Да ну?

– Что «да ну»? Кто говорил «надо идти к своей мечте»? Вот я и пошёл.

– Понятно, так и должно быть, если читаешь текст инструкции вверх ногами. К цели не всегда правильно двигаться напролом. Ты сможешь одолеть пик Джомолунгмы без специальной подготовки? Пошёл в кедах с верёвкой и залез? Нет. Так а какого... ты решил, что на женщину, которая тебе нравится, можно так же легко взобраться?

– Венька, я тебе сейчас тресну...

– Ну, я хотел сказать, с женщиной познакомиться. Женщина – это больше, чем Джомолунгма, если она – настоящая женщина. Это лес колдовской, в котором пропадают. И вообще, ты поставь себя на её место. К тебе подходят и говорят: «Давай проведём вечер сегодня вместе». А ты на этого человека и внимания никогда не обращал... С какой стати и на кой ляд тебе это надо? Нормальная реакция, но она сама по себе ещё не говорит о таком уж негативном отношении к тебе.

– Левитин, Морозов!

Голос математички. Он вернул в реальность. Следом в мою голову не сильно, но чувствительно постучался треугольник, я сидел на стороне у прохода, по которому медленно и бесшумно, как хищник, выслеживающий свою

жертву, передвигалась Зоя Олеговна с остроко-
нечным орудием. Венька прав – надо задумать-
ся о своих правах.

Скоро, однако, как только математичка от-
влеклась, Левитин снова начал излагать мне
свою концепцию:

– Единственный путь – это самосовершен-
ствование. Тебе надо самому измениться, не
для неё одной, тут может и не получиться никог-
да, а как бы для всех женщин. Надо стать инте-
реснее, содержательнее, надо к жизни относиться
иначе.

– А как?

– Одним словом не скажешь. Надо, чтобы
девчонки воспринимали тебя как холодноватого,
независимого красавца, такого мачо, понял?

– Понял.

– Да ни хрена ты не понял! Умнее надо стать
и красивее. Но это должно быть естественно для
тебя самого. Ты сам должен этого хотеть, как ды-
шать. Только тогда толк будет. Прислушайся к
моим советам, и всё будет тип-топ.

Он посмотрел мне в глаза, и я поверил ему,
отныне, с этой минуты став его учеником и по-
мощником, потому что был поражён точностью,
как мне показалось, его объяснения. Тогда я
просто решил для себя, что Венька никогда не
ошибается, он обладает особым талантом видеть
все вещи глубже, не снаружи, а изнутри,
раскладывая их по молекулам и атомам.

Но всё-таки я здорово захандрил. Невнима-
ние Ани воспринял как личное поражение, уж
лучше бы не совался на рожон и жил надеждой.
А теперь уже всё было ясно.

Левитин пару недель наблюдал это моё со-
стояние, а потом заявил:

– Слава, кто владеет миром, скажи?

– Тот, у кого деньги есть, – мрачно ответил я.

– Ничего подобного! Миром владеет тот, кто
владеет информацией. Ты хочешь знать о чело-
веке, который тебя интересуется?

– Ты про Аню?

– Про кого же ещё?

– Ну, хочю.

– Тогда почему не интересуешься её жиз-
нью?

– Мне было бы интересно, но я не знаю о ней
ничего.

– Так узнай, если интересно. У тебя, Слава,
проблемы с логикой.

– Ну, ты тоже скажешь... В замочную скважи-
ну подглядывать, что ли?

– Зачем в замочную скважину? Просто поти-
хонечку собирай информацию. Кто она, что она,
с кем она? Если она хорошая, ты узнаешь её
лучше и поймёшь, над чем тебе надо работать,
чтобы стать ближе и иметь шанс понравиться,
если плохая, тогда на душе и вовсе полегчает
(о ком страдал?!), ну?

– А ты опять, похоже, прав, – неуверенно со-
гласился я.

И этого для Левитина оказалось достаточно.
Через пару недель он приехал ко мне домой
поздно вечером и с самодовольным видом при-
гласил:

– Я на такси, поедем посмотрим на твою
Анну?

– Куда?

– Узнаешь.

Я с трудом отпросился у родителей на пару
часов, помогли Венькин представительный
внешний вид и вежливость со взрослыми. Мы
спустились, и такси понесло нас на другой конец
города. Когда машина остановилась по Веньки-
ной просьбе у ночного клуба «Койот», Левитин
сказал мне негромко:

– Слушай, ты только не дёргайся там... Сиди
спокойно.

– Хочешь удивить тем, что она посещает
ночной клуб с каким-нибудь отморозком? – спро-
сил я с растущим раздражением.

– Нет, мне этого мало, – ответил Вениамин,
загадочно улыбаясь. – Я хочу освободить тебя
от иллюзий. Даже если это будет больно, это
принесёт пользу.

Он жестом приглашающего в гости предло-
жил пройти с ним фейсконтроль, и мы внедри-
лись внутрь клуба как ножик в масло.

Я почти сразу увидел Аню. Её белая блузка
фосфоресцировала под неоновым светом, джин-
совые капри облегли стройные, точёные бёдра,
как у модели на обложке модного журнала. Но это
только на мгновение, теперь мой взгляд впился в
её соседа за столиком. Судя по их оживленной
беседе, это не просто сосед, это её спутник. Меня
снова обдало жаром, как тогда при неудавшейся
попытке познакомиться. Но что-то знакомое было
в его крупной комплекции, мощном затылке и за-
чёсанных назад густых светлых волосах... Это же
не подросток, а папаша в преклонном возрасте!
Куда смотрел фейсконтроль? Долой педофилов,
защитим детство! Но если серьёзно, что их может
связывать? Вдруг я узнал в нём Игоря Ивановича –
нашего историка. Ему точно лет тридцать

пять отроду. Как же так? Я ни черта в этой жизни не смыслю, размазня!

– Пойдём отсюда, хватит, – едва выдавил из себя.

– Уже всё? – с притворным удивлением спросил Левитин.

Я, не обращая внимания на Венькину издёвку, молча рванул к выходу. За толпой в зале они нас вряд ли видели, а если и видели – наплевать. Левитин снова поймал такси, сел вместе со мной на заднее сиденье.

– Ну и что? – с показной небрежностью произнёс я, то ли для него, то ли для себя самого.

– Что «ну и что»? – переспросил он.

– Ну пришли они в ночной клуб, ну посидели, об истории поговорили...

– Дурак...

Венька вынул пачку фотографий и положил мне на колени:

– Вот в ресторане, вот в кафе быстрого питания, в библиотеке, а вот – в сауне! А? «Зодиак» – это ж элитная сауна! Вот заходят в двери, вот даже адрес сфотал. Извини, снять сам «процесс» для меня технически оказалось невозможно, профессионализма не хватает, я ж только любитель. И, наконец, съёмная квартира!

– Ты... зачем это сделал?

– А что такого? Представил тебе доказатель-

29

ства.

– Доказательства чего?

– Что тебе нечего ловить. А ещё кое-какие выводы сделал и для себя.

– И какие?

– Очень хочется знать, чем на самом деле живут наши школьные носители знаний и морали. Особенно этот.

– Чё ты к нему прицепился? Пошёл он... вместе с Анькой. Дай, я их выброшу, эти фотки.

– Э нет! – Венька поспешно засунул их во внутренний карман ветровки. – Это мина замедленного действия моего кустарного изготовления. Я немало своего дорогого времени потратил на работу.

Поведение Левитина нравилось мне всё меньше. Он явно что-то замышлял. Я брякнул ему на всякий случай:

– Если ей плохо сделаешь, то...

– Да не нужна мне твоя Аня, успокойся.

Венька смотрел в окно автомобиля, и свет витрин отражался в его глазах торжествующим пожаром. Разве мог я хотя бы предположить тогда, какой «пожар» он уже готовил?

КОНСТИТУЦИЯ ШКОЛЫ №...

Левитин начал двигать идею школьного самоуправления. Абсолютным новатором он здесь, конечно, не был. В России уже были примеры организации в школе игрищ с созданием некоего школьного правительства или парламента. Говорят, будто это приносит пользу, то есть формирует у детей способность к принятию самостоятельных решений, чувство ответственности, заинтересованность в организации всей школьной жизни, когда школьник становится не исполнителем и объектом, на которого обрушиваются требования, а равноправным участником, организатором и контролёром. Школьный процесс в этом случае уже не создаётся кем-то для него, а формируется при его непосредственном участии. Вот так, в общем.

Именно об этом и говорил Левитин в кабинете у директора, взяв с собой на беседу лучшего ученика, гордость школы, Женьку Запашного как союзника в продвижении идеи. Он настоящий отличник, но в общении с ребятами у него как-то не очень ладилось, поэтому Венькиному предложению возглавить организацию этой затеи он обрадовался, хотя и несколько дней «думал». Однако, как сказал мне об этом сам Левитин, он не сомневался в том, что Запашный даст согласие:

– Евгению нужно заполучить неформальное лидерство, он расстраивается из-за того, что все его воспринимают только как отличника и шарахаются. Ума палата и полное одиночество – незавидная участь.

При этом Вениамин подмигнул мне и добавил:

– Протянем руку блокадному Евгению. А уж тот постарается...

– Ты-то как? – спросил я с ехидцей. – Не расстроишься? Всю славу у тебя ведь заберёт.

Левитин нарочито скорчил рожу сожаления:

– Оно, конечно, жаль. Но после истории с платными работами, я под вечным подозрением. Что бы ни сказал – всё плохо. Тут без положительного пушистого Жени никак нельзя.

Однако тут я уже всерьёз заметил:

– Да с ним ребята разговаривать не будут. Он же чмо!

– С ребятами буду говорить я. Он – почётный президент. Понятно? Признание администрации – ему, признание народа – мне. Вот если бы и ты включился...

– Не хочу.

– Жаль. Получается, если совет и помощь нужна, так Венька вот он, здесь. Мозги выполаскивает кое-кому, глаза раскрывает. А как встречная просьба – значит, в сторону.

– Да ладно, чего ты обижаешься? Мне просто неохота. Опять «попрёт» официоз, как мне отец про комсомольские собрания рассказывал. Всё в обязательку превратят.

– Неужели ты никогда не хотел, чтобы с тобой считались? – спросил вдруг Венька с таким жаром, какой-то даже внутренней обидой за меня, что никак не отреагировал на звонок с перемены.

Мы продолжали говорить прямо в коридоре, толкаемые встречными потоками однокашников:

– Что ты имеешь в виду? – почему-то спросил я, хотя прекрасно понимал, о чём идёт речь.

– Я смотрел, как ты играешь в футбол, и видел тебя настоящего. А здесь, в этих стенах, ты как халдей.

– Слушай, я и врезать могу.

– Да врежь, мне-то что. Самое главное, ты знаешь, что я прав. Ты никто, а он, он здесь хозяин.

– Кто?

– Тот, кто удачливее тебя, с кем девушка, которая могла бы быть твоей.

– Дешёвый приём, Левитин.

– Правда всегда на первый взгляд простая штука, только игнорирование её потом дорого обходится, – парировал резонно Венька.

На следующий день я случайно столкнулся с Аней в школьной столовой. Не знаю, что меня заставило, но я последовал за ней, сел за одним столом. Всё делал как-то интуитивно, сам не зная, чем это закончится в следующий момент, до конца вообще не понимая, зачем это может быть нужно. Она вела себя с некоторой настороженностью, ждала какой-нибудь неприятной реплики с моей стороны. А я молчал. Вот так мы и сидели, поедая каждый своё блюдо. Мне хотелось узнать, видела она нас с Венькой в клубе или нет? В то же время, нельзя было и себя обнаруживать, если не видела. Аня не выдержала первая:

– Ты хочешь меня о чём-то спросить, так спрашивай.

И я спросил, глупее не придумаешь вопроса:

– Скажи, каким надо быть, чтобы понравится такой, как ты?

– Нужно повзрослеть.

Аня улыбнулась как-то простодушно, по доброму, но мне от этой улыбки тошно стало. Она собрала свою посуду со стола и ушла.

Всю ночь после этого разговора я ворочался, мысленно выяснял отношения с ней, пытался доказать: я тот, единственно тот, кто её достоин. За окном пронеслась электричка, и бликиплыли по стене, маня куда-то, где ждут приключения, успех, интересная напряжённая жизнь и сумасшедшая любовь. Как я хотел бы увезти Аню отсюда, от Игоря Ивановича, от его хрипловатого низкого голоса, от медленной, вкрадчивой, как теперь мне казалось, речи, от красивых, но неискренних идей, которые – только средство, а не суть. «Рисуется... – с неприязнью думал я. – Всё только для одного – пыль в глаза пустить, и чтоб она смотрела на него, как на Бога. Может быть, и прав Венька, пора проявлять себя».

Через несколько дней я дал согласие участвовать в Левитинской затее, и совместно с ним и Запашным мы сделали небольшой доклад на педсовете. Сказать, что учителя нас приняли прохладно, – значит, ничего не сказать. Их охватило такое раздражение, что мы с Запашным стусевались. В нас летели реплики жуткого сарказма, и в какой-то момент мне захотелось убежать и забыть всё, что мы тут понапридумывали. Но не таков Левитин. Только он знал, по настоящему знал, чего хотел. После наших сбивчивых доводов поднялся с пояснениями сам. Ещё не успев начать, он уже получил пару словесных оплеух от математички. Зоя Олеговна прилично его зацепила:

– Левитину всеобщего внимания захотелось. Что ж, давайте поиграем, у нас ведь других проблем нет. Мы и на уроке не разговариваем, и учителей уважаем, и себя уважаем, и совесть у нас есть в наличии...

С ней едва не случилась истерика. Но Венька не стал здесь встревать. Он словно не замечал критических стрел. Если бы мне знать тогда, чего в действительности хотел этот парень. Хотя и зная, я не поверил бы ни за что...

– Мы не новаторы. Всё, что здесь предлагается, существует в двадцати пяти школах по России, и ничего, кроме пользы, не принесло, пусть и не сразу, – сказал Венька.

Директор поспешно начал задавать организационные вопросы. Его будто бы интересовала вертикаль управления. На что Левитин отвечал очень конкретно, словно для него здесь вообще не могло быть белых пятен:

– На общешкольном референдуме предлагается принять школьную конституцию. Проект я берусь разработать, представлю на широкое обсуждение. Если конституция будет принята, а это должно быть сделано не менее чем двумя третями от общего числа преподавателей и школьников, под ней лично подпишутся те, кто за неё голосовал на большом плакатном листе живой подписью. Это будет документ, который надо сохранять десятилетия школьной жизни, совершенствовать и внушать уважение каждому новому поколению преподавателей и учеников. После принятия конституции создаётся наряду с действующим органом (администрацией школы, педсоветом) ещё и консультативный орган – общешкольный совет, пока консультативный на переходный период, который будет принимать самое непосредственное участие в создании всех документов, регламентирующих нашу жизнь... Впоследствии некоторые решения такого общешкольного органа будут обязательными для исполнения и администрацией школы, педсоветом, а в каких-то случаях это будет прописано в конституции...

Пока Венька чесал как по писаному, у администрации и педсостава вытягивались от удивления лица.

Директор вставил внезапно подсевшим голо-

– А, может быть, совет сможет найти деньги на наш санузел? Или хотя бы мудро посоветует, где их добыть? Я того мудреца рядом с собой посажу и в штат на заработную плату возьму.

– Ловлю на слове, Семён Анатольевич, – заметил Левитин и посмотрел директору прямо в глаза.

Лучше бы он этого не говорил – педсостав чуть не разорвал Веньку на части:

– Самонадеянный хам! – бросила учительница пеня.

– Mister Levitin knows which side his bread is buttered on!² – шутливо воскликнула англичанка.

Венька при этом не моргнул глазом, он, как мне показалось, понял смысл сказанного и оценил иронию. Потом я узнал от него в разговоре, что означали эти слова по-английски.

Тут не утерпел Игорь Иванович и заметил:

– Вениамин, вы, конечно, понимаете, что главное – это не декларации и не формы, глав-

ное – содержание, а содержание – это реальные цели. Чего вы хотите?

– Ничего нового, всего-навсего известные истины освежить. Свободы как осознанной необходимости для молодых, – бодро ответил Левитин. – Я хочу предложить превратить школу в мини-государство в лучших его проявлениях на примере общественного самоуправления. Конечно, нам не надо ни милиции, ни политической разведки, а вот партии и общественные организации могут быть. Почему бы им не быть? Со временем свой парламент создадим и правительство, свой премьер-министр и президент появятся, избранные школьным и педагогическим коллективами на выборах. Главная идея заключается в том, что всё самоуправление между учениками и учителями должно быть основано на равных началах, только функции разделятся. Органы самоуправления не должны быть придатками школьной администрации, исполнителями её воли, они – проводники демократических принципов взаимоотношений в школьной среде. Что касается ответственности, то за оценки, за качество обучения, за поведение будут отвечать сами ученики в соответствии с данными ими же обязательствами и не перед папой и мамой, не перед школой, а перед своими товарищами, перед которыми может быть очень стыдно. В нашей республике будет своя печать, своё телевидение, а свой взвэпэ будем считать по баллам за качество работы, то есть обучения, критерии выработаем. Самым страшным наказанием в нашей школе будет лишение членства и признание персоной нон грата. У нас будут свои кумиры и герои, свои медали и ордена, своя история. Только любить себя и свою школу мы научимся не потому, что её надо любить по традиции, а потому, что сами того хотим. Ведь историю школы будем писать только мы, и, если она не станет созидательной, грош нам цена, никакого квасного патриотизма не потерпим. И к власти всегда будем относиться критично. Дстойному народу – достойное управление. Не стадо, лукавое и дрожащее, а гражданское общество! Вот смысл, вот цель и идея!

Левитин закончил и дерзко оглядел аудиторию. В гробовой тишине среди шокированных «жителей» нового, предлагаемого Левитиным «государства», не было проронено ни звука, все будто остолбенели. Так ещё бы! Левитин говорил так, как они сами никогда бы ни подумать, ни сказать не смогли, и главное – не посмели! На-

² «Мистер Левитин знает, с какой стороны его хлеб намазан маслом» – англ., аналог русской поговорки «Он парень не промах».

конец после продолжительной паузы Игорь Иванович опять спросил осторожно:

– Сколько же у вас уровней или шифров в понимании «достойный», господин Левитин?

Вениамин не стал отвечать на этот вопрос и даже не взглянул в сторону историка, но добавил:

– Если будут нарушаться права как преподавателя, так и ребёнка, оба могут обратиться за консультацией к адвокату вплоть до обращения в суд, и это не будет рассматриваться руководством школы как вынесение сора из избы. Потому что такой патриотизм нам тоже не нужен.

Физрук чуть не умер от смеха:

– Как же тогда без милиции, прокуратуры и суда, Вениамин? У нас, понимаешь ли, как во всяком государстве, начнут публичные дома открывать, торговать наркотиками, давать и брать взятки, судиться. Трудно будет, Веня.

– Поживём – увидим, – сухо ответил Левитин.

Но истерически развеселившихся от реплики физрука педагогов уже остановить было невозможно:

– Без института семьи нам не обойтись, свой загс и роддом для старшеклассников придётся открывать!

– Так, а кто будет отвечать за рождаемость, Медведев или Левитин?

И надо же, хоть и шутили, а как в воду глядели.

Венька не имел бы шансов, если бы... не вице-премьер настоящего Правительства Медведев, посетивший школу в связи с реализацией гранта на оборудование зала фитнеса и атлетической гимнастики. Венька в суматохе подсунул ему свою записку, где довольно полно и интересно изложил свою модель школьного самоуправления. Медведев заинтересовался и на встрече с руководством школы сказал:

– Надо, на мой взгляд, больше присматриваться к тем ученикам, к тем проектам, которые призваны как-то активизировать жизнь школы, придать ей необходимый динамизм. Этот проект даёт главное – заинтересованность всех в качестве обучения и воспитания. Другое дело, надо посмотреть, что реально, а что – плод подростковых фантазий, надо отделить зёрна от плевел, а это как раз и задача педагогов. В любом случае мне интересно, получит ли данный проект дальнейшее развитие, и я обязательно поинтересуюсь, как это получилось у вас в школе, ну, так через годик. Особенно занимательно, как

пройдёт референдум по конституции. Я это запомню и обязательно вернусь к этому вопросу на следующий год, посмотрим... – Здесь он откровенно рассмеялся.

Ну, понятно, что перспектива отвечать через год перед вице-премьером моментально возымела действие, хотя без горячих дискуссий не обошлось. Вот так и пошло... В ноябре-декабре Венька провёл разъяснительную работу и даже общешкольный референдум. На этот раз это уже не мобильные телефоны. Мероприятие было солидным, с кабинками для голосования. О школе даже сняли ролик и показали в «Вестях». Но не это главное. Главное то, что конституцию всё же приняли. Её подписали директор, завуч, все преподаватели, даже математика. Историк воздержался. Что она собой представляла? Так получилось, что у меня не осталось даже экземпляра, но основные положения могу вспомнить, потому что ведь тоже принимал участие в её разработке. Ну вот, например: «Преподаватели и учащиеся обладают равными правами и несут обязанности в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании, другими законами Российской Федерации, постановлениями Правительства, актами Министерства образования, локальными актами учебного заведения школы №...»; «конституция школы №... является внутренним локальным правовым актом, обязательным для исполнения как преподавателями, так и учащимися школы»; «целью обучения для преподавателей является обеспечение качественного образования, преподаватели не имеют права требовать от учащихся хороших оценок, оказывать на них давление, критиковать за плохие оценки, они являются лишь арбитрами, констатирующими качество ответа и выставляющими за это оценки; не имеют право навязывать те или иные суждения, касающиеся взглядов на жизнь, на образование, на одежду, а могут лишь дать совет, рекомендовать, попытаться убедить, оспорить те или иные суждения»; «ученики обязаны заниматься самосовершенствованием (добросовестно учиться, добиваться хорошими ответами высоких оценок, пользоваться всеми средствами получения информации, имеющимися в школе: уроками, Интернетом, библиотекой), развивать себя физически, поощрительным и почётным считается занятие в клубах по интересам (спортивных, изобразительного искусства, музыкальных, теа-

тральных и других)»; «ученики не имеют права навязывать преподавателям мнение в отношении выставляемых оценок, они могут направить апелляцию в совместную комиссию педагогического и общешкольного советов, которая вправе оставить апелляцию без удовлетворения, рекомендовать преподавателю изменить оценку или предложить ему вновь опросить учащегося»; «апелляция является крайней мерой и не приветствуется школьным сообществом как средство для разрешения личных взаимоотношений и конфликтных ситуаций». О родителях ни слова. Как видите, Венькиным прежним популизмом здесь и не пахло. От влияния родителей на учителей пришлось отказаться. Как не было ни слова и о едином госэкзамене. Эта уже прерогатива Минобразования, то есть в его лице того самого настоящего государства. Последняя редакция школьной конституции – результат компромисса, отделения тех самых зёрен от плевел: «Преподаватели и учащиеся вправе создавать общественные объединения, не создающие препятствий для учебного процесса в школе и не противоречащие законодательству Российской Федерации»; «успешно прошедший обучение получает бонусы (баллы), которые позволяют ему в приоритетном порядке в любое, свободное от учёбы время, пользоваться спортивным залом, компьютерным залом, получать стипендию в рамках получаемых грантов, получать иные льготы, разрабатываемые правилами внутреннего распорядка».

Ну как? Бред? Наши учителя именно так и заявили. Но... в процессе закрытой дискуссии на педсовете выяснилось, что все признают: дети в школе слишком несамостоятельны, инфантильны, совершенно не готовы к вузовским жёстким критериям, и многие хорошисты с треском вылетают из вуза уже с первого курса, что постоянное, десятилетиями продолжающееся ещё с советских времен сюсюканье, вытягивание процента, липовая сдача выпускных экзаменов, гарантированность образования, понимаемая почти как гарантия окончания школы при любых оценках, приводит к потере заинтересованности, конкурс же аттестатов уже не играет такой роли, как раньше в условиях платного образования. Вот и пропала всякая заинтересованность в результатах обучения. Все признали, что нужны новые формы, и в этом Левитин прав. А кто сказал, что эти новые формы будут идеальными,

что не будет абсурдного, смешного, глупого? Но с чего-то надо начинать? А тут ещё и приезд Медведева и его поощрительная речь. Решили – попробуем. Всего на годик. Если будут результаты, ещё и новый грант под это дело попросим. Пусть это будет вклад в национальный проект «Образование». Знали бы они... А что «знали бы»? Всё нельзя знать заранее. Ну ладно, обо всём по порядку.

НОВОГОДНИЕ ОТКРОВЕНИЯ

На уроке истории России опять Венька сцепился с Игорем Ивановичем. На этот раз спровоцировал конфликт сам Левитин. Отвечая на какой-то вопрос историка, уж не помню по поводу чего, он ляпнул известное словосочетание «в этой стране» применительно к России. Это буквально взорвало Игоря Ивановича. Он взял Веньку за лацкан пиджака и тихо сказал (голос его при этом как-то даже подрагивал), хотя он обычно всегда держал себя в руках:

– Вениамин, «та страна», о которой вы упомянули, это ваша страна, вы в ней родились и выросли. Попрошу быть более точным в выражениях. Так в чьей стране вы живёте?

– В вашей, в вашей стране, – дерзко заявил Венька.

«Вот идиот», – подумал я, но в отношении историка злорадствовал (я всё ещё ревновал Аню к Игорю Ивановичу).

Когда урок закончился, Левитин и Игорь Иванович остались в классе и о чём-то начали спорить. Я чуть-чуть задержался от любопытства: уж очень мне хотелось, чтобы Венька историка зацепил чем-нибудь. И точно. Вижу, Левитин что-то сказал, и Игорь Иванович аж побледнел враз, такое редко бывает, чтобы за секунды и стал белым, как стена. Только из-за шума в коридоре я ничего не расслышал. Венька выскочил вслед за мной:

– Всё, теперь пусть думает. Мораль читать горазд, а за девочками ухлестывает, фарисей!

Я обомлел:

– Ты про «это» ему сказал?

– Конечно!

– Зачем?

– Что «зачем»? Его выпрут из школы, если узнают, а он вряд ли откажется от Анны. Значит, что?

– Что?

– Значит, выпрут! Что и требуется доказать.

– А как же Аня? Вся школа будет обсуждать.

– Ну и пусть. Самое главное для мужчины – это поправленное мужское достоинство. Твоё достоинство в этом случае. Только представь, как они где-нибудь...

Я закусил губу, а Венька продолжал:

– От тебя отказались, почему бы не отказаться и тебе от неё? Самодостаточнее надо быть, Слава, и весь женский мир будет твоим. Усёк?

– Можно подумать, что ты знаешь всё про женский мир.

– Не всё, но кое-что знаю.

– Ну и например?

– Женщина – это не придуманный образ, это реальность. Когда поймёшь, сразу перестанешь комплексовать. Она из мяса и костей, скрываемых ею недостатков, слабостей, привычек, глупостей. Она заблуждается, а ты её слова сейчас воспринимаешь для себя как приговор. Пока видишь в ней божество – будешь ничтожеством в собственных глазах, и все другие женщины это тоже будут чувствовать. А ничтожество женщинам не требуется. Странно? Странно. Мир – это бинеры, противоположности и противоречия. Мир един в этом противоречии, как пасть волка и кусок мяса. Но в противоречиях есть своя логика, свой закон.

– Ты – странный человек.

– Хотел сказать – страшный?

– Может быть.

– Ну вот, то жёсткий был, теперь странный, страшный. Я не странный и не страшный, Славян, я предельно честный. Если мир уродлив, то честно говорить о нём означает у нас – говорить непристойности. Так при чём здесь я?

– Почему ты так хочешь избавиться от историка? Он же как преподаватель не самый плохой. От всей школы тогда надо избавляться.

– Он опасен.

– Для кого?

– Для всех. И вообще, я не разделяю его убеждений, а он меня обучает и ещё оценки ставит. За что? За мои убеждения. А это нечестно. Поэтому за свою точку зрения я буду бороться.

Новый год мы справляли у Веньки дома. Были я, ну понятно, Левитин, Родька Заболотнов, Женька Запашный, два парня из параллельных классов – Егор Савин и Антон Северянин. Этих Левитин сам позвал, он с ними установил свои отношения, говорил, что ребята очень умные. А по мне так – зануды. Отличники – в основном зануды. Только Венька – исключение. Он не гонится за оценками, наоборот, с учителями в контрах,

но эти хорошие оценки сами собой у него получаются, поэтому он не «рубака», не подхалим, и не любить его за хорошую учёбу нет причин. У него всегда на всё своё мнение. Он – за народ, а, значит, ближе к нам, угнетаемым педсоставом. Вот они, Венькины бинеры, объединяющие нас, таких непохожих, двоечников и настоящих отличников: огонь и вода, а может, огонь и масло, интеллект и энергия, вожди и массы? Я становлюсь философом? Венька бы одобрил.

Квартира Левитина нас поразила. Никогда я в своей жизни не видел ничего подобного. Старинная мебель из тёмного дерева, тяжёлые шторы, торшеры с мягким завораживающим светом. Квартира была двухуровневая, с отделкой под старину, лестницей с витыми перилами из литого металла. Но самым потрясающим была комната самого Левитина... Она была выполнена из чёрного и красного материала. Чёрная мебель, алые шторы, на стене портреты Пушкина, Черчилля, Керенского, ещё каких-то мужиков в старинной одежде. Почему Пушкин, Черчилль и Керенский рядом? Удивительно. Интересным было огромное панно с фотографиями президентов США большого количества, наверно, всех, какие были за всю историю страны. На столе, где стоял компьютер, лежал молоток и циркуль, как будто Венька был средневековым европейским учёным, каким-нибудь алхимиком придурковатым. Но больше всего нам понравились шпага, висевшая на стене, и стоящий в углу средневековый рыцарь в доспехах из ослепительного, зеркально-белого металла.

– Настоящая? – спросил я, дотронувшись до шпаги.

– Само собой, – самодовольно сказал Левитин. – Можешь лезвие потрогать. Хоть сейчас – в битву.

Родион Заболотнов покачал головой:

– Ну, Левитин, ты крутой...

– При чём здесь Левитин? Это родители у него крутые, – возразил Запашный.

– Не скажи, – не согласился Родька, потрогав рыцаря пальцем. – Индивидуальность всегда победит. Если ничего собой не представляешь как личность, то и в богатой твоей квартире будет чёрте чё.

Я не стал вмешиваться в их спор, я был просто смят увиденным. Мои родители, будь я хоть самый что ни на есть индивидуалист, никогда не позволили бы самовыражаться в домашнем убранстве. Какой быть моей комнате, как и всей

квартире, решали всегда только они, с небольшими, самыми минимальными, ничтожными штрихами. За каждый плакат, за каждую фотку приходилось воевать. Особенно тяжело достался плакат с Кипеловым, солистом группы «Ария». Его длинные волосы приводили моих стариков в ярость, хотя они, конечно, не знали, кто на плакате изображён и чем он занимается.

– Венька, а кто твои родаки? – вдруг спросил я.

Мне так хотелось хоть немного услышать о людях, которые проявляют терпимость к своему ребёнку. Такое нечасто встретишь, и это дорогого стоит.

– Мои мать и отец – сотрудники Неправительственного фонда «Восток – Запад».

– А что они там делают?

– Мне сложно объяснить. В общем, это фонд, цель которого способствовать интеграции Восточной и Западной Европы. Да они, в основном, в командировках.

– Ты живёшь один?!

– Ну, не совсем. Здесь часто бывают бабушка с дедом. Но жить постоянно – нет. Дед в этих стенах не может. У него другая закалка. Конечно, отец с матерью часто приезжают, почти каждые пару недель дня на два-три. Если откажутся от командировок, потеряют работу. А это, сами понимаете, нежелательно. Там хорошо платят.

Мы все были поражены возможностями Вениамина, а Родион, тот вообще тарачил от удивления глаза, как ребёнок:

– Вот это классно! Если бы мне своих хоть на неделю куда-нибудь сплавить.

– И что бы ты сделал? – с иронией спросил я, зная ответ заранее.

– Я собрал бы ребят и закатил вечеринку на все деньги, что мне родители оставят.

– Точно, я так и думал. А потом лапу сосал до их приезда?

– Рис хавал бы.

Тут привезли заказанные Венькой продукты и шампанское. Мы застонали от восторга. Когда всё разложили на кухне, распределили поварские роли и приступили к работе (чёрт, в такой компании даже работать уютно!). Левитин, нарежая окорок, вдруг сказал, обращаясь ко всем:

– Давайте поговорим вот о чём. Закончим мы школу, разбежимся по стране, по миру, жизнь нас раскидает куда попало, и мы вряд ли когда-нибудь встретимся. И каждому придётся в одиночку выживать, обивать пороги чиновников,

кого-то о чём-то просить, против кого-то выступать в одиночку, заискивать перед начальством, скрываться от криминала, принимать решения, не имея никакой поддержки. А представьте себе: вы едете в чужой город учиться или в командировку, но он уже для вас не чужой, потому что вас там ждут, вы знаете, к кому обратиться, знаете, что о вас позаботятся. Только набираете телефон и говорите: «Брат, я приехал!» И всё! Ну и к вам если приедут, то вы в лепёшку разобьётесь, чтобы помочь всем, чем сможете.

– А как я смогу помочь, если сам ещё на ноги не встал? – спросил я.

– Так на что другие? Ты наберёшь телефон и скажешь: «Помогите моему брату». И ему помогут. И так во всём, от рождения до смерти. Учиться за границей – нет проблем, сделать сложную операцию и не заплатить за неё – пожалуйста, устроиться на высокооплачиваемую работу – сделаем. Детей в хорошие ясли, родителей к хорошему врачу. Нет денег – деньги будут. Умер? Вот они, друзья-братья, уже хоронят. Все блага мира к ногам твоим и твоих братьев. А они повсюду, незримо для других, ты узнаешь их всегда, в любом месте и при любой погоде найдёшь. Вот такая социальная защищённость. Да какая там социальная, всеземная защищённость!

– Даже в другой стране? – впервые, почти хором подали голос Северянин и Савин.

– Конечно, в любой стране! Нет на земле клочка, где бы не было твоих братьев. Вот это жизнь, а?

– И как же так сделать? – простодушно осведомился Женька Запашный.

Бутылка шампанского в его неумелых руках исторгла целый фонтан, сам Запашный оказался с ног до головы в липкой пахучей бражной жидкости. Все чуть не умерли от смеха, а Венька сказал:

– Это хороший знак! С наступающим две тысячи восьмым годом! Можно сказать, обмыли мечту. Главное – видеть свет в конце тоннеля, тогда сможешь и пройти его, даже если через нечистоты придётся перебираться. Просто нужна организация, которая стала бы для тебя всем.

Честно говоря, захмелели мы тогда изрядно, и то, что Вениамин нам рассказывал, казалось сказкой. Красивой и даже реальной. А оговорка про нечистоты – это так, игра слов.

В двенадцать часов ударили куранты. Их хорошо слышно ещё и с улицы – из Левитинской квартиры видна Красная площадь. Мы вывали-

лись на улицу, дали залп из петард, хохотали как сумасшедшие. Нам нравилось всё: эта загадочная замечательная квартира, уверенность и ум Левитина, наша новая, только зарождающаяся, малопонятная пока нам самим дружба, можно сказать, братство. В этом вечере был особый колорит, замешанный на шампанском и тайне в чёрно-красных тонах.

В три часа ночи Венька сделал нам сюрприз: в квартире появилась девушка. Её звали Жанна. Судя по возрасту, она была на несколько лет нас постарше. От кончиков волос до высоченных каблуков это было само Обольщение. Мы задохнулись от волнения и недоумения, мы не знали, как себя вести. Помог Левитин. Он объявил:

– Так, друзья мои, сейчас состоится мужской конкурс. Мы постараемся перед дамой показать всё самое лучшее, акцентирую ваше внимание: всё. А она выберет одного из нас на час. Ну, проявим фантазию.

У Северянина и Савина глаза на лоб вылезли. Остальные, кроме самого Веньки (я, Заболотнов и Запашный), – виду не показывали, но несколько замялись. И понятно, дело было не в конкурсе, а в том, как не уронить мужское достоинство после того, как тебя, не дай бог, выберут. Сексуального опыта, судя по общему состоянию оцепенения, не было ни у кого. Только Левитин был непринуждён. Ну да, когда поживёшь один в квартире да с деньгами, тогда есть где такой опыт набирать. А девушка, высокая, стройная, вкусная, небрежно взбив руками тёмные длинные волнистые волосы, показала пальцем на Родиона, как на конкурсанта, который должен был представить себя первым. Родион нервно стянул с себя рубашку, напряг мышцы на руках, как на конкурсе бодибилдинга, мы упали от хохота, потому что двуглавые мышцы на Родькиных руках даже не высывались наружу. Савин и Северянин постыдно сняли свои кандидатуры, а я и Запашный, раздевшись до плавок, спели «Бэль»³. Девушка поманила пальцем и бросила мне презерватив. Все взревели от восторга, видимо, с облегчением, что самим не придётся держать этот «экзамен». А Левитин закричал:

– Мужики, поддержим нашего фаворита, он представляет всю нашу компанию!

Мы с Жанной вошли в спальню, приготовленную Левитиным. Она стала медленно раздеваться, а меня заколотило от её длинных белых

ног и порочных, как говорят, с поволокой, чуть ироничных, всё понимающих глаз. Они блестели от удовольствия наблюдать моё первозданное, чистое возбуждение...

С Жанной мы весело попрощались и продолжили нашу вечеринку как стопроцентный мальчишник. Когда ребята танцевали по-сумасшедшему, от чего, как показалось, качнулась даже люстра, Венька подозвал меня с серьёзным лицом, он один был абсолютно трезвым и спокойным:

– Пойдём со мной, поговорим.

– Я?

– Да. После «крещения» с Жанной ты мой заместитель. Шучу. В общем, пошли.

Мы поднялись в Венькину комнату. Когда я с удовольствием рухнул от усталости в мягкое кресло, Левитин сказал:

– Слава, на каникулах я предлагаю создать нечто вроде клуба, пока из тех ребят, которые сегодня здесь у меня в гостях.

– Что за клуб? Самоуправление ты уже сделал, зачем ещё клуб?

– Самоуправление – это основа основ, это машина. Но машина – это кусок металла. Нужен пульт управления.

– Да все же пульта и кнопки есть! В нашей Конституции, в твоей конституции ведь всё записано. Чего париться? Я тебя не понимаю.

– Морозов-Морозов, святая наивность, эти процессы нужно обеспечить, понимаешь, обеспечить. Это и продуманная кадровая политика, и анализ возможного противодействия, своего рода разведка, и жёсткое продвижение идей и замыслов, если понадобится.

– Зачем? – все ещё не мог понять я. – Ты же сам говорил, что мы создаём как бы модель государства. Парламент у нас есть, есть и правительство, какие проблемы? Что ещё нужно для управления нашей «страной»?

Он посмотрел на меня с насмешкой, в этот момент мне даже как-то неприятно стало:

– Ты всё-таки серьёзно считаешь, что миром управляют парламенты и правительства?

– А кто?

Венька так начал хохотать, что я расстроился не на шутку, подумал: «Ну вот, опять считает меня дураком, а что я такого сказал?..».

– Миром, Слава, управляют наднациональные, надполитические структуры, там решаются все ключевые вопросы, там за одним столом вечером, как братья, сидят политические против-

³ Имеется в виду «Belle» («Прекрасная») – песня из мюзикла «Нотр-Дам де Пари», 1998).

ники, а утром будут морочить всем нам голову, как они друг друга ненавидят.

– И в нашей стране тоже?

– В мире, я сказал, во всём мире! А мы-то всего-навсего маленькая его часть, провинция одной единой организации...

– Такому нас не учили...

– Не учили?

Венька наклонился ко мне, лицо его сразу побагровело от внезапного прилива ярости. Я его ещё никогда таким злым не видел:

– Не учили, говоришь? А чему эти мухоморы, – он показал на Кремль в окне, – нас вообще могут научить?

– Ты считаешь, что знаешь больше, чем они?

Я начал тоже злиться: не слишком ли много Венька на себя берёт?

Левитин подошёл к окну, открыл его, с наслаждением впустив морозный воздух, слегка успокоился:

– У меня другие учителя, да я сам себе учитель. Информация лежит часто на поверхности, её надо только уметь найти и отмыть от наслоений всякой словесной ерундистики, схватить за жало, за стержень. И всё становится ясно. Ладно, это в двух словах не объяснить...

Он с нескрываемым разочарованием оставил меня в покое, но сказал, что после Нового года поговорит «более предметно». Тогда, в конце разговора, уже уходя, я спросил, по какому принципу он отбирал совет: эти двое, Северянин и Савин, они вообще – кто? Сказал, что я их все не знаю. Венька на это только усмехнулся:

– Если бы ты знал, кто их родители, то вопрос отпал бы сам собой.

– При чём здесь родители? – спросил я. – Они, что ли, в совете голосовать будут?

– Мороз, ты недалновидный. Влиятельные родители – это прикрытие и защита. Когда-нибудь нам и защищаться придётся.

Оставшееся время на вечеринке я провёл с ощущением какого-то напряжения. Венькина ярость напомнила мне, что праздник скоро закончится.

ТАЙНЫЙ СОВЕТ: НАЧАЛО

Так пружина времени и обстоятельств затягивала интригу, и в первых числах января состоялся наш первый совет у Веньки дома при соблюдении строжайшей конспирации. Но это ещё не была организация, это была всего лишь группа людей, которых Веньке предстояло убедить.

Но он, как оказалось, не боялся этой сложной, почти невозможной задачи. Уже через каких-то несколько недель я окончательно понял: перед нами серьёзный, сформировавшийся человек, который рассказал нам многое такое, чего не печатали в газетах, не показывали и не рассказывали по ТВ, очень редко и скудно писали в книгах, а в учебниках и вовсе не было ни слова... Нет-нет, пересказать не могу – я умею держать слово и язык за зубами. Только одно скажу: официальные историографы, политологи и рядом не стояли со своей ложью. Я поверил, я понял, Венька тысячу раз прав, что мир вовсе не такой, каким мы его знаем. Но, бог ты мой, откуда же он всё это знал?

Один из вечеров у Веньки был самым запоминающимся. Нас сначала вместо него встретил некий человек в строгом чёрном костюме, как омоновец. Голос его был низким и басовитым, от чего ещё более стало не по себе. Его возраст (ему было, судя по голосу, около сорока) окончательно дал нам понять, что шутить с нами здесь особенно никто не собирается. Он, однако, всё же поспешно представился, видимо, чтобы не перепугать совсем:

– Друзья мои, пройдёмте, Вениамин вас встретит позже. Я не палач, и вас не собираются здесь подвергать пыткам. Я просто церемониймейстер.

Он завязал нам глаза, велел всем держаться за руки и повёл куда-то. Когда глаза нам развязали, мы были в той самой странной чёрной Венькиной комнате. Левитин сказал нам, что она оформлена как «комната размышлений», которая символизировала брэнность человеческого бытия. В этой комнате, задрапированной чёрным, стоял в центре бутафорский картонный гроб с бутафорским же лежащим в нём скелетом. Мы вздрогнули и отшатнулись. Веньке это доставило удовольствие. Церемониймейстер куда-то исчез. На столе, однако, стоял, как показалось, настоящий череп (чей?), и внутри него тускло мерцала свеча. Тут Левитин начал объясняться с нами как-то особенно пафосно, так, что мы уже не видели в нём прежнего Веньку. Его отчуждённая торжественность пробирала до костей.

– Здесь, господа, вновь принимаемый как бы духовно умирает, отрешается от прежней примитивной жизни, но впереди у него новая жизнь. И надежду на эту жизнь символизирует это слабое пламя. А теперь я буду спрашивать, а вы отве-

чайте. Мы тут же насторожились, вспоминая заранее показанный нам и выученный наизусть текст:

– Кто является членом Тайного совета?

Мы гаркнули хором:

– Свободный человек с хорошей репутацией!

– Да не орите вы так. Почему вы вступаете в Тайный совет?

– Чтобы победить свои страсти, научиться управлять своей волей и постоянно совершенствоваться. Мы свободные люди и строим наш дом.

– Какой дом?

– Дом, в котором живёт человеческая любовь.

– Какой камень мы употребляем для строительства?

– Нашим строительным материалом являются люди.

– Каким раствором скрепляем мы камни?

– Дружбой, братством.

– Чем отличаются члены Тайного совета от других?

– Образом жизни, благородством мыслей, искренней верностью и непоколебимой взаимной дружбой.

– Почему наш союз называется царственным искусством?

– Потому что наше дело является самым благородным искусством.

– Каково главное достоинство члена Тайного совета?

– Любовь к ближнему, ибо у кого она преобладает над всеми другими чувствами, тот преодолевает эгоизм и становится лучшим.

– Каковы ещё достоинства члена Тайного совета?

– Скромность, мягкость, милосердие.

– С чем мы должны бороться?

– С предрассудками, заблуждениями, тщеславием, ложью, алчностью.

– К чему вы стремитесь?

– Прежде всего к тому, чтобы укрепить союз братьев и всей своей жизнью оправдать высокое доверие быть избранным.

– Как распределяют время члены Тайного совета?

– Работа члена Тайного совета продолжается от рождения до самой смерти.

– А теперь прошу вас, – голос Веньки слегка напрягся, – произнести текст клятвы.

Мы так же хором проговорили:

– Перед лицом Великого Архитектора Вселенной и перед этой почтенной и уважаемой публикой свободных и признанных, я по своей искренней воле торжественно клянусь, что никогда и ничего не раскрою из таинств и секретов организации, какие бы ни были мне сообщены или какие бы впредь я ни узнал, никому, кто не является членом Тайного совета. Я торжественно обещаю, что не изложу письменно эти секреты, не опубликую их в какой бы то ни было форме и не позволю, чтобы другие это сделали в моём присутствии. Обещаю любить своих братьев, поддерживать их и предоставлять им всякую помощь в нужде и в защиту их и Тайного совета отдать себя до последней капли крови.

После этого вновь вошёл церемониймейстер с медицинскими приборами, какие используют при взятии анализа крови. Мы слегка заволновались, но он нас заверил, что всё будет быстро и безболезненно, проколол каждому из нас палец, сунул мне, по моей просьбе, в нос побольше нашатыря (я всегда плохо переносил эту процедуру), выцедил из нас по маленькой капле крови и смешал эту кровь на куске стекла. Стекло он отдал Левитину и опять пропал за дверями. Левитин заставил нас взять по капле смешанной крови на язык, потом сказал с удовлетворением:

38

– Ну вот, теперь мы не просто друзья, а кровные братья.

Я, однако, спросил осторожно:

– А если кто-нибудь пожелает выйти из Совета?

– Традиционная форма клятвы исключает такую возможность, – сухо ответил Вениамин. – Человек, покинувший Совет, должен будет умереть.

Мы застыли в изумлении, не понимая, шутит он или нет, некое подобие игры вдруг превращалось на наших глазах в жестокую реальность. Но Левитин тут же пояснил, улыбнувшись:

– Но вы как люди чести даже в угрозах такого рода не нуждаетесь. Скажу только одно, братья мои: внутри организации – никакой демократии, строжайшая дисциплина и подчинение, мы же не просто будем проводить в жизнь доброе начало, порой мы его будем прошибать, бороться за него, если это необходимо.

– Венька, а тебя тоже кто-то должен принять? – спросил Родион.

Левитин снова улыбнулся:

– Я уже давно принят.

– Кем?

– Я сам себя принял.

Мы невесело усмехнулись, не зная, как отнестись к его шутке, и двинули на выход. Был уже глубокий вечер. При этом почему-то каждый (я это заметил) глянул украдкой на настоящий череп.

СТРАСТИ ПО ЛЕВИТИНУ

Венька стал в школе настоящей звездой и авторитетом. Что бы в школе ни создавалось, какая бы идея ни появлялась, всех, прежде всего, интересовало, что по этому поводу думает он: одобряет или нет? Девчонки его обожали, парни завидовали, учителя... Одни уважали за знания, другие недолюбливали. А какой начальник будет любить более умного, чем он, подчинённого, да ещё несовершеннолетнего? Особенно, если это очевидно? А Венька был по-прежнему непринуждён и органичен. Слава ему шла, как галстук или головной убор.

Однако Левитин блистал не только эрудицией и мудростью не по годам, а ещё и умением практически реализовывать задуманное: в школе происходили перемены, которые все небезосновательно приписывали именно ему. За январь было рассмотрено четыре апелляции от учащихся в связи с несправедливо поставленными оценками. Между прочим, в одном случае комиссия рекомендовала исправить оценку с двойки на тройку. Можно себе представить истерику Зои Олеговны. Она в течение пятнадцати минут рыдала у директора и говорила, что не может работать в школе, где ей не доверяют. Но комиссия была непреклонна, в школе уже давно было известно и педсовету, и директору о том, что у Олеговны среди учеников есть как любимчики, так и козлы отпущения, и этот случай не был исключением. Прошкин, хоть и туп, как пробка, но несколько формул всё же выдал, поставить ему двойку было бы слишком жестоко.

В коридорах школы замаячил адвокат с большим потёртым портфелем. Увидев его, некоторые самовластные преподаватели, привыкшие рассматривать свой класс и школу чуть ли не как вотчину, насторожились. Да вообще, у всех у нас за спиной будто появился контролёр. Вроде бы и фигня, даже как-то и не вполне серьёзно, но... бог его знает. Сам факт хотя бы возможности какого-либо разбирательства уже настраивал на ответственность. Пойдут разговоры, толки-перетолки, дойдёт до управления образованием, до родителей... Парочка исков уже через месяц ушла в

суды: один ученик подал в суд на ученика (через родителей, конечно) на возмещение вреда – порчу портфеля и учебников. А другой таким же макаром подал в суд на администрацию школы, требуя возместить вред здоровью плохой организацией школьного питания. Он накануне отравился котлетой, что в школах, как мы все знаем, и не такое уж редкое явление. Носились слухи, которые, само собой, долетели и до директора, что прокуратура может проверить целевое использование средств, собираемых с родителей на различные нужды, а кроме того, вообще законность отдельных сборов.

По решению общешкольного совета были отменены ограничения на одежду учеников, однако предложено рекламировать классический стиль в одежде как один из элементов школьной этики, настроя на образовательный процесс. Смешно? Мне тоже сначала всё это казалось забавным. Но вот организовали школьное радио, свою постоянно действующую рекламу, заказали модели классической одежды и одели в неё самых лучших и авторитетных учеников – дело пошло. Даже среди тех, кто по-прежнему был сторонником полуспортивного стиля, джинсов, свитеров, уже не было, как минимум, неопрятных. Всё постепенно менялось в сторону классического стиля, но не из-под директорской палки, а «снизу», от нас самих.

В школе появилась своя газета. Её изготавливали на цветном ксероксе, и там откровенно, иногда даже слишком откровенно, рассказывали о школьной жизни. Вы не представляете, что творилось по поводу этой газеты в школе! Иной раз возмущались не только преподаватели, но и родители. Ведь дети рассуждали в ней о школе и о жизни вовсе не как дети. Даже отношениям полов страница нашлась. Газету трижды закрывали и снова открывали по решению общешкольного совета при протекции и активных «подковерных» действиях Тайного совета. А Венька при этом заявлял, что в условиях демократии не так-то просто кому-то заткнуть рот. Но сам он, между прочим, проделывал это не раз. При содействии Тайного совета уволили учительницу пения. Теперь эти уроки проводили ровесники самих учеников из местного Дома творчества. Тут же из уроков пения родилось несколько самодельных групп – танцевальная и рок-группа. Рок-группу не пускали в эфир школьного радио, но Тайный совет выявил, кто более всего препятствует, и пригрозил ему. На столе у одиоз-

ных преподавателей появились копии жалоб родителей в адрес администрации Президента и лично господину Медведеву. Кроме того, Тайному совету удалось сравнить этих учителей между собой за счёт дезинформации, будто один из них жаловался на другого, а тот высказался в отношении этого... «Главное оружие, – учил нас Левитин на наших тайных семинарах, – это дезинформация в отношении ключевых моментов жизни общества. Информацию могут знать только избранные. Это мы». Такое высказывание очень пришлось нам по душе, оно как-то возвышало каждого. Казалось, все нити жизни в руках. Особенно это ощущение усилилось, когда кое-что стало получаться. Мир вокруг действительно подчинялся нашей мысли, нашим желаниям. Впервые в жизни мы (ещё никто по сути) уже смогли насладиться плодами реальной власти. И это всё – Венька. Фантастика! О том, что это противоречило самой идее школьного самоуправления, никто почему-то тогда даже не вспомнил.

В школе был создан театр. Первые пьесы писали сами ученики. Но, кроме этого, появился клуб отдыха, который культивировал сам Левитин, о его создании было мало что известно, но Венька всеми силами оберегал его. Это был закрытый клуб для избранных старшеклассников, тех, кто имел деньги и мог заплатить за ужин в кафе. Клуб собирался в кафе «Галактика», что неподалёку от школы, где велись абсолютно свободные и даже фривольные разговоры, создавались и разрушались кратковременные пары, обсуждались слухи и сплетни. Этот клуб был питательной информационной средой для нас как Тайного общества. Мы обязаны были посещать его, откуда узнавали многое о настроениях в школе, кто чем дышит, и кого за что можно будет потом подцепить.

Такая вольная и бурная жизнь в школе, кажется, не может вызвать у администрации ничего, кроме раздражения и возмущения. Но... нет. Надо учитывать, что созданное Левитиным самоуправление во многом помогало администрации. Управляемость школьным коллективом повысилась на порядок и в первую очередь потому, что все основные, внутриколлективные процессы были теперь на виду у администрации, за исключением Тайного совета и закрытого клуба отдыха. Сочетание открытости и наличия административной вертикали давало результат. Все проблемы – как на ладони. Надо

было только убедить общешкольный совет, а если уж инициатива шла снизу, то ничто и никто не мог ей помешать. Это оценили и директор, и педсовет. Иначе нашей демократии не прожить бы и недели.

Было всё же и такое, с чем мы, костяк нашей организации, не вполне соглашались с Венькой. Например, он яростно протестовал против организации в школе христианских классных часов. Он был воинствующим противником церкви. Я как-то на одном из Тайных советов прямо спросил его, почему он так относится к церкви, к религии. Он ответил, что, на самом деле, религия – это глобальная мистификация, а цель – власть над душами человеческими.

– Нам просто морочат голову, – смеялся Венька. – А что касается высшего начала... Оно есть, но это не область религии. Мы просто мало знаем о природе Вселенной и человека.

– Кто же тогда, по-твоему, мы? – серьёзно спросил Родион. – Сатанисты или верующие? И если верующие, то во что?

Я аж рот открыл. Никогда Родиона я не видел таким глубокомыслящим.

– Кто мы? Хороший вопрос, – Венька прищурил глаза. – Мы – те, кто пытается приблизиться к познанию настоящего мира, жесткого и прагматичного, который ещё не известен человечеству, потому что не открыт. Наши глаза видят скалы серыми, растения зелёными, небо голубым, но это в том спектре, в котором мы можем видеть. На самом деле в более объективном спектре скалы, растения, небо, возможно, такого цвета, что описать не сможем. Так и явления, следствия, причины. Мы живём пока в состоянии представлений о мире, но не знаний о нём. Я – не верующий в религию, в церковь, потому что в жизнь не играю, я её познаю. Играть – не моё занятие. Моё занятие – действовать. Бог и Сатана, так, как это подаёт церковь, – это мистика, символы, ничего не имеющие общего с реальностью, и не более.

Смешное дело, Левитин нас убеждал, что и Бог, и Сатана – мистика, ничего не имеющая общего с реальностью, а мы видели в нём чуть ли не сверхчеловека, бога или сатану. Наверно, так устроен человек: от всего, что он видит в мире, отражается как в зеркале его собственная фантазия, которая как будто и есть для него настоящий мир.

Венька запрещал нам бороться с наркотиками и алкоголизмом в школе, хотя здесь возмож-

ности у Тайного и общешкольного советов были велики. Но Левитин исходил из того, что наркотики, в том числе алкоголь – это объективный путь – механизм жёсткого отбора, который препятствует перенаселению, как война. Просто, хоть и не от пушек, но происходит вымирание, и в объективном смысле он считал этот процесс в каком-то смысле благотворным.

– Надо понимать, что жалеть стоит отдельно человека, а само явление надо понять. Эти люди в большинстве своём заслуживают такой участи, а наркотики – отражение одного из сложных явлений в сознании человечества. Значит, так было и так будет всегда. Для бессознательных это – отложенная казнь, потому что им жить не следует в принципе, они никому не нужны и ничего не создадут; для сознательных (волевых) это – власть, новые возможности и рычаги, наличие массы людей, которыми можно управлять. Иначе послезавтра за счёт перенаселения наши дети, дети избранных, волевых и сознательных, не смогут наследовать Землю.

– А на кой мне ляд такая Земля, где большинство колетса и корчится от ломки? Разве этими людьми возможно управлять? А если я полечу на самолёте, которым управляют летчики-наркоманы, или на операционный стол лягу, а этот наркоша-хирург в руки нож хирургический возьмёт... Да на такой Земле жить страшно! – возмутился я.

Венька был сторонником любых проявлений сексуальной свободы. Это нам нравилось, но страшило. Его теоретическая необузданность в этом вопросе (о практическом сексе Веньки нам ничего не было известно) вызывала тоже возражения. Всё-таки интересно в конце концов создать семью, родить и воспитывать детей...

Венька не признавал авторитетов, и это тоже смущало.

– Авторитет, основанный на традиции, иначе говоря, культ – страшная штука, – говорил он, – потому что дезориентирует людей. Авторитетами должны быть действительно лучшие, авторитет надо заработать. Поэтому авторитетен только тот, кто доказывает постоянно свою состоятельность. Остальные лжеавторитеты – ничто. И относиться к ним следует соответственно.

«Оно, конечно, может и так, – думал я, – но не до такой же степени... Есть старики, которые были авторитетны когда-то, а сегодня – маразматика, что же они, не достойны уважения и почитания?»

Но первое, что потребовал от нас Левитин, это избавиться от чувства патриотизма. Тут разговор был особый. На одном из собраний Совета Левитин поставил вопрос ребром: надо убирать из школы главного патриота – историка. Никто, однако, из членов Совета его не поддержал. Большинство – четверо – проголосовало против такого предложения. Я воздержался, потому что ревновал Аню к нему и не мог простить историку трюк старого ловеласа, но всё-таки это ещё не причина увольнять хорошего специалиста и мудрого человека. Левитин скрепя сердце согласился с возражением Совета. Вообще решение в Совете считалось принятым, если за него голосовало сто процентов. Тогда все отвечали за это самое решение.

Но уже через несколько дней произошли события, которые заставили Левитина вновь поставить на Совете тот же вопрос, и теперь положительное голосование было обеспечено. А получилось вот что. Я как член общешкольного совета хотел уточнить у директора, не сорвёт ли нам небольшой текущий ремонт в спортзале график чемпионата школы по баскетболу. Я зашёл в приёмную, хотел спросить у секретаря, сможет ли тот меня принять, хотя знал, что директор в основном не отказывал, если это касалось организации школьной жизни, как бы занят ни был. Ха! Попробовал бы он отказать без веского на то основания! Я, извините, имел в школе статус, равный депутату Государственной думы в стране. Моментажно об этом узнала бы вся школа, более того, все уже понимали, что я неформально правая рука Левитина, и противодействовать мне, значит бросить вызов ему самому.

Но приёмная была пуста. В прежние времена я бы даже не посмел сам войти в кабинет к директору, а тут как само собой разумеется, открыл первую створку двойных дверей и взялся за ручку второй. Шум в кабинете директора заставил замереть. Там было собрание преподавателей. Раньше я бы просто ушёл. Но теперь как члену Тайного общества мне необходимо было получить информацию, которая могла быть полезной. Тем более, что говорил историк, и сразу стало ясно: речь идёт о Левитине. После секундного замешательства я принял решение: закрыл двери со стороны приёмной, застряв между створками. Очень трудное положение, но эффективное. С одной стороны, меня никто не мог видеть, а с другой – я слышал всё. Если бы се-

кретарь или кто-то другой заходили в приёмную, меня бы не увидели, а при попытке кого-либо войти к директору или выйти от него, я бы сделал вид, что хочу сделать то же, но, как бы неловко столкнувшись с входящим-выходящим и увидев большое количество присутствующих, извиняюсь и ретируюсь. Хотел, мол, зайти, но ведь нельзя, в следующий раз... Чего проще? Главное было не допустить, чтобы какая-то дверь открылась для меня внезапно, да ещё так, чтобы застали в позе подслушивающего. Но это не может случиться, если контролировать ситуацию. Идеально! Так я стал свидетелем действия, происходящего у директора.

– Я неоднократно предупреждал педсовет и администрацию школы, – говорил Игорь Иванович, – что перед нами особый, никогда ранее не встречавшийся в такой форме случай: мы столкнулись с явлением молодого человека, который по уровню развития и жизненным установкам значительно опередил свой возраст и, к сожалению, уровень многих из нас. Но самое страшное, его поведение опасно, асоциально.

– Вот именно! – вставила завуч Лидия Егоровна. – Девчонки в его театре надевают такое бельё, особенно Харламова из 11 А, что я когда-нибудь стяну с неё этот фривольный лифчик и завяжу прямо у неё на ушах, вот ей-богу!

– Старшеклассный мужской народ будет счастлив при этом лицезреть её грудь, – хохотнул физрук.

Завуч набросилась на физрука, но голос Игоря Ивановича прекратил внезапный всплеск эмоций:

– Давайте, коллеги, всё же по существу, мы всё-таки не только преподаватели, как нас низвели до этого уровня в нашей, с позволения сказать, конституции, а учителя, педагоги. А чтобы выразить своё отношение к какому-либо явлению, надо его понять.

– Да к славе парень рвётся, вот и всё! Ну что тут мудрить-то, Игорь Иванович, – возразил директор. – Они все в этом возрасте хотят признания. Это уж потом... когда жизнь бока наломает, так уж ничего не хочется.

Историк настойчиво продолжал:

– Это слишком упрощённый подход. Не поймём, не разберёмся, значит, получим завтра ещё несколько таких вот Левитиных в школе. Он же с его авторитетом, как клонов, плодит себе подобных. Уже все пацаны в младших классах хотят быть на него похожими.

Классный руководитель Изольда Эдуардовна воскликнула:

– И правильно. А что тут плохого-то? Большинство ребят у нас всегда предпочитали раньше отсидеться и никуда не рваться, кроме как в туалет покурить. Ярких, интеллектуальных подростков вообще в школе не осталось! Пример Левитина – хороший пример, я считаю.

– Действительно, что же такого плохого в Левитине, чтобы мы могли сказать: его позиция асоциальна, как вы говорите? – поддержал классу директор. – Если про лифчики, то это претензии к тому, кто их носит. У вас позиция, Игорь Иванович, как у секретаря парткома, давайте-ка по существу! В школе порядок появился? Появился. Ребята сами следят друг за другом. Самодеятельность, спорт, заинтересованность в школьном процессе – что может быть ценнее для нас? Сами не смогли этого достичь, так теперь на мальчишку всех собак вешать?

Игорь Иванович, однако, настаивал:

– По существу? Хорошо. Вот, например, создание тайного общества в школе. Зачем создавать тайную организацию, если преследуешь благородные в социальном плане цели? Если тебе дороги люди все, а не отдельные, избранные?

– Ка-акое тайное общество? – насторожился директор. – Это что ещё такое? Кто вам сказал такую чушь?

Я вздрогнул, слегка стукнув дверь лбом, и чуть не выпал прямо под ноги педсовету, ощутив себя участником восстания декабристов. Не самым, надо сказать, смелым, потому что страх охватил меня такой, аж задеревенели ноги.

– В школе существует, наряду с легальной структурой – общешкольным советом, ещё и параллельный – тайный, – продолжил историк. – Именно он имеет реальную власть в школе. А насчёт информатора я ничего не скажу, кроме того, что этот человек врать не может уже в силу того обстоятельства, что сам является членом этого самого Тайного совета.

Моё дыхание остановилось: «Предательство?»

– Выбирайте выражения, Игорь Иванович, – сурово предупредил директор. – Реальную власть в школе имеет только администрация, и никто другой!

– Если вам хочется так считать, пожалуйста.

– Мне что, фээсбэ в школу вызывать ради шестнадцатилетнего подростка?

– Думаю, мы способны разобраться сами. Но он – не просто подросток.

– А кто?

– Вот это и важно понять. Чтобы понять намерения такого человека, как Левитин, надо с заинтересованностью отнестись к его мировоззрению.

– Зачем обязательно искать скелет в шкафу? – удивилась физичка Маргарита Львовна. – Опять ищем заговор? Это что, стезя у нас такая историческая, Игорь Иванович? Да, он дерзок, можно сказать, нагл, но с точки зрения учёбы безупречен, и чем плох его призыв к самосовершенствованию? Да и слава богу! Плохо другое: что никто из учеников до него до сих пор так вопрос не ставил.

– А я бы, например, убила его за постоянные разговоры на уроке с Морозовым, – возник голос математички Зои Олеговны.

Я опять пошатнулся в своём добровольном карцере. Спина заныла от напряжения, как будто почувствовала прикосновение треугольника полоумной Олеговны.

– Но... – тут же уточнила она сама, – у Морозова в результате соседства с Левитиным успеваемость тоже повысилась. Мальчик в целом стал ответственнее относиться к занятиям. Вот и думай...

– Если парня выгонят из школы, я уволюсь к чёртовой матери! – ворвался снова в дискуссию трубный голос физрука. – Такого центрального не было за всю историю школы!

– Ну, мы сейчас подерёмся тут... – примирительно сказал директор. – Давайте-ка вот что: инициатива наказуема, и раз Игорь Иванович собрал нас и проинформировал (и это правильно), что он проявил обеспокоенность, надо внимательно присматриваться к настроениям учеников, пусть он и соберёт сведения об этом парне, поговорит с его родителями и доложит нам на следующем педсовете.

– Да не сведения надо собирать, а книги читать! – взмолился историк.

– Какие книги?

– Я же говорю, надо понять мировоззрение Левитина, чтобы быть готовыми к полемике с ним, к разговору с другими ребятами, если те придут с вопросами. Но сейчас они идут не к нам, а к нему. Вот в чём беда!

– И вы знаете, какие книги нам читать, чтобы понять Левитина?

– Знаю.

– Какие же?

– Вольтера, например, начать надо с Вольтера. Левитин – типичный вольтерьянец, только осовремененный, так сказать, в стиле «модерн», и с некоторой особой направленностью... Я думаю, эта направленность придана ему родителями или кем-то из их окружения. Желательно прочесть лекции «Об истории философии» Гегеля о некоторых фактах из жизни Пифагора, работы Папюса, Бакунина, Браудо, Генри о тайных обществах, интересно было бы изучить на уроке литературы роман Эдуарда Скобелева «Свидетель». Ведь давно говорил: нужно, чтобы мы обладали не только специальными знаниями, но и в целом были образованными людьми.

– Игорь Иванович, – возразил учитель обществоведения Юрий Викторович (очень пожилой человек, пенсионер, раньше преподававший в институте научный коммунизм), – изучать Вольтера – значит окунуться в такое средневековье, что дети там ничего не поймут.

– Ну, конечно, Маркса и Энгельса они должны, по-вашему, лучше понять. Вольтер – это вовсе не средневековье, это очень и очень современно, я вас уверяю.

Зоя Олеговна (судя по тону, это была она) хлопнула ладонью по столу:

– Вот давайте, я – Вольтера, вы – алгебру с геометрией. Да, вам-то можно, у вас семьи нет, вы – вольноопределяющийся... А мне с двумя «мал-мала» ещё и над Вольтером вечерами сидеть?! Увольте!

– Стоп-стоп! – остановил спор директор. – Тут без специализации не обойтись. Вот пусть Игорь Иванович с Юрием Викторовичем как историк и обществовед устроят нам семинар о Вольтере и его философии. На педсовете в течение определённого времени, сколько надо будет, мы поучимся и поспорим...

Учительница литературы Софья Павловна поспешно добавила:

– А я предлагаю ещё вернуться к классике литературы: Левитин так похож на тургеневского Базарова!

В приёмную кто-то вошёл, нервы у меня не выдержали, и оставаться «между» ещё какое-то время я уже не мог. Как оказалось, на своё место вернулась секретарь.

– Ты чего это тут?

– Хотел к директору, а там педсовет. Я и заходить не стал.

– Да-да, педсовет, нельзя. Завтра с утра приходи, он посвободнее будет. А вообще к директору – только через секретаря. Совсем распустились.

– А где его взять, секретаря, раз нет? – парировал я. – Жду-жду, кабинет настезь.

– Чего-чего?!

Она нахмурила брови, и я сбежал из кабинета в поисках Левитина.

Ему и Совету грозила опасность, исходила она от человека, которого я теперь уже почти ненавидел, а также от другого, которого ещё предстояло выявить. Я был горд, что предупрежу Веньку, а ещё горд тем, что к этому времени из Вольтера, в отличие от своих преподавателей, я уже кое-что прочёл...

РАЗВЯЗКА ПРИБЛИЖАЕТСЯ...

Я сразу же рассказал Веньке обо всём, что услышал на педсовете. Он выслушал молча и внешне спокойно, потом сказал:

– Ну вот, решил выстрелить первым, теперь пришла моя очередь.

– Что же ты собираешься делать? – спросил я. – Совет проголосовал против его увольнения из школы.

– Теперь заседания Совета временно прекращаются, – заявил Венька. – Пока не выявим отступника, что-либо делать бессмысленно.

– А когда выявим, то что? – этот вопрос я даже не хотел задавать. Ведь мы давали клятву...

– Этот человек должен умереть, а имя его предаётся забвению.

Левитин сказал это холодно и даже как-то равнодушно, как о проходном решённом вопросе, на самом деле он думал об историке и только о нём.

– Ты что, серьёзно? – обалдел я.

Венька даже не ответил на мой вопрос, поблагодарил за информацию и поднялся по лестнице. Потом я узнал о его решении посетить директора. Я знаю об их разговоре со слов Левитина.

Было это так. Левитин зашёл к директору:

– Семён Анатольевич, разрешите?

– Левитин?! Чего это вы?... Ну, зайдите.

Директор был явно смущён и насторожен. Ведь только что прошёл педсовет. Венька выложил перед директором фотографии:

– Вот.

– Что «вот»?

– Причина моего обострения отношений с Игорем Ивановичем.

Директор внимательно просмотрел все фотографии, особенно долго изучал ту самую, где Игорь Иванович и Аня заходят в помещение с вывеской «Сауна «Зодиак». Потом спросил:

– Кто это фотографировал?

– А что?

– Кто фотографировал, я спрашиваю?!

Тут Семён Анатольевич рывкнул так, что Левитин отшатнулся, ответил тихо:

– Мне принесли ребята... А кто, я не скажу. Зачем я буду выдавать? Просто это уже всей школе известно, а поскольку фото у меня появилось, Игорь Иванович и решил свести счёты со мной.

– Почему же фотографии принесли именно тебе? Или для тебя? – директор, не заметив как, перешёл на «ты».

– Да ну, Семён Анатольевич, такого я не заказывал...

– Ах, такого не заказывал, а другого заказывал, вот и несут тебе информацию, раз собираешь, так?

– Нет, не так...

Тут Венька, как он сам потом признал, понял, что допустил ошибку. Надо было сказать, будто он видел историка в компании с Аней, а те заметили его. И тогда, мол, между ним и историком началась вражда. Историк хотел бы, чтобы он, Левитин, покинул школу. А он сам ничего не имеет против историка. И только потом, когда директор ему не поверит, направить кого-нибудь с фотографиями к нему. Теперь же получалось, что он целенаправленно собирает сведения на преподавателей. А может, и сам Семён Анатольевич посещает такую же или даже ту же сауну... При этой мысли Венька встревожился. Всё-таки каким бы хитрым он ни был, а отсутствие достаточного жизненного опыта подводило. Директор в таком поспешном и крутом демарше усмотрел угрозу самому себе.

– Покажи фотографии на меня, – попросил Семён Анатольевич в подтверждение его догадки, улыбнувшись при этом, но улыбка его была страшной, напоминавшей жуткую гримасу.

– Есть что фотографировать? – выдал в ответ дерзость Венька и поднялся со стула, понимая, что всё рухнуло и его сейчас выставят.

И точно! Семён Анатольевич заорал в бешенстве:

– Пошёл вон отсюда, умник!

Потом тихо добавил:

– Твоё счастье, что ты ещё несовершеннолетний, тут мордобоем надо бы закончить. Завтра ко мне к десяти часам родителей!

– Они в командировке.

– Где в командировке?

– В Женеве.

– Адрес? Телеграмму пошлём о твоём поведении.

– Я точно не знаю.

– С кем же ты живёшь?

– Один. Бабушка и дедушка иногда приходят...

Семён Анатольевич был явно озадачен. Однако тут же добавил:

– Тогда и бабушку, и дедушку сюда.

Когда Венька вышел из кабинета, он понял, что проблема историка решена, но теперь директору они нежелательны оба: и тот, кто даёт повод для фотографий, и тот, кто фотографирует, да ещё при этом знает о содержании секретного педсовета через пятнадцать минут после его окончания.

После этого Венька публично унизил Аню. На одной из перемен она подошла к Веньке в классе и что-то сказала ему негромко, Левитин выслушал её и вдруг громко ответил, да так, чтобы слышали все:

– Ань, виноват, прости. Я заберу рубашку завтра же. Ну, забыл, ну переночевали, я ж не специально, я не хотел тебя подставить, чтобы этот историк приревновал...

Анна побледнела и, отвесив ему пощёчину, убежала. Но Венька не растерялся, он видел, что на него смотрят, потрогал щёку, ухмыльнулся. Он не сомневался: номер прошёл и ему поверили, ведь если Аня с историком может, то может и с Венькой, и с кем-нибудь ещё. В общем, почти потаскуха, но ещё пока делает вид, что смущается.

Тут и я не выдержал, подскочил к Веньке:

– Ты зачем так?

– Как?

– Как последняя сволочь!

Левитин с сожалением и насмешкой посмотрел на меня:

– Мороз, мне всё равно из школы уходить...

А ты – дурак, тебя я просто не успел доучить. Плохо только то, что нецелесообразно. В данном случае подсматривать в кафе и подслушивать – это целесообразно, а корчить при этом из себя моралиста – нет.

В начале марта историк действительно ушёл из школы. Тихо, без скандала, без слов и проща-

ний. Однако ушла и Аня. Накануне мы поговорили во дворе школы, и это был последний наш разговор. Я просил её остаться. Но она посмотрела на меня с презрением:

– Я же не виновата, что не люблю тебя, и это не причина, чтобы опускаться до мести, правда?

Теперь мне стало ясно, что она видела меня с Венькой в кафе, когда мы следили за ней и Игорем Ивановичем. Что я мог ей сказать в своё оправдание? Что причиной моего поведения была не ревность, а нечто более серьёзное, может быть, мои человеческие заблуждения относительно Веньки и его идей? Тогда всё ещё хуже. Тогда я не жертва ревности, а соучастник. Ну и пусть, в его делах есть много и хорошего, разве нет? Или всё только прикрытие?

СТРОПТИВЫЙ РОДИОН

На заседании Тайного совета возник конфликт, который, наверно, назревал. Родион задал Веньке прямо-таки философский вопрос. Мы вправду становились умнее... Родион спросил:

– Почему у Вольтера везде говорится о свободе, равенстве, братстве, но тут же отрицается равенство по имуществу, и право голоса в вопросах общественного блага могут иметь не любой и каждый, а лишь собственники?

Вениамин доброжелательно парировал:

– Свобода у Вольтера в первую очередь – свобода личности, индивида, частная свобода, а не свобода общества в целом. Стержнем личной свободы служит свобода слова, а с нею и свобода печати, свобода совести, свобода труда, понимаешь? Подлинная свобода в том, что люди перестают быть формально зависимыми друг от друга. Они становятся автономными субъектами. Это, однако, совсем не равносильно воцарению хаоса. Свобода, писал Вольтер, состоит в том, чтобы зависеть только от законов. Хорошо, конечно, когда свобода дополняется и подкрепляется равенством. Равенство людей понимается как обретение всеми людьми одинакового статуса гражданина, одинаковая зависимость всех граждан от закона и одинаковая защита их законом. Именно против феодальных отношений в виде правления кучки людей со статусом сословности, сплотившихся вокруг власти, пренебрегающих законом или пишущих его под себя, выступал Вольтер. Правда, он думал, – Венька грустно ухмыльнулся, – что бюрократия будет лучше аристократии. Он же не знал, что со вре-

менем в России с азиатским, централизованным или «ручным» управлением эта бюрократия станет снова аристократией, возродится из пепла времени. Он и представить себе не мог, что такое возможно, из капитализма в социализм, а потом в феодализм. Вот это номер, да?

– Нет, подожди, всё это очень интересно, – задумчиво возразил Родион, – но демократия ведь предполагает самые широкие формы участия в управлении, а Вольтер это отрицал, как оценивать такое противоречие?

Венька был и сейчас терпелив, но лицо его застыло в некотором напряжении:

– Идеи Просвещения, его принципы, по Вольтеру, это, Родя, «не для портных и сапожников», как он писал. Если чернь начнёт думать, то всё погибло. Уразумел?

– Нет, не уразумел, – Родион сегодня был серьёзен, как никогда.

Весь Тайный совет от удивления превратился при этом в неподвижные восковые фигуры из музея этой, как её там, мадам...

– Если демократия для избранных, то они и начинают под себя писать те же законы. Так какая разница между новой аристократией при власти и теми, кто управляет демократией из-под полы? В любом случае народ остаётся быдлом, – продолжил Родька.

– Так оно и есть, – цинично согласился Венька. – А разве в нашей школе, на нашем примере, вы это не поняли? Смотрите, то, что было раньше, плохо? Верно? С этим никто не спорит. Но если бы взять и оставить всё без контроля со стороны узкого круга, мы бы получили неуправляемый хаос, потому что кухарка не может физиологически управлять государством, потому что ей думать нечем! А разница, о которой ты спросил, в том, что обществом реально должны управлять люди, не ставящие себе цель обогащения, эти люди – интеллектуальный генератор нации. Если бы таких людей не было, идею широкого народного управления отстоять бы не удалось.

– Тогда почему надо действовать тайно? Назвали бы себя некой мини-партией, объявили всем программу, – озвучил свои недавние мысли и я.

– Политическая партия, Мороз, может потерять доверие большинства и лишиться власти, а Тайный совет – вечен! – Венька развел руки в стороны. – Это доказало время, Мороз, это мудрость истории! Управлять, но не быть названным, известным никогда! Разве это не великое и скромное подвижничество ради большинства?

– Выборы – это плохо? – спросил я напрямую.

– Выборы – это хорошо. Они дают свободу самовыражения. Но кандидаты должны быть продуманы и преподнесены интеллектуальным социально ответственным меньшинством. Если власть ворует, теряет чувство реальности, она должна быть сменяема, и её сменяемость обеспечивается тайным меньшинством.

– Но власть может уничтожить такое сообщество? – усомнился я.

– Может, – согласился Вениамин, – и такое случалось в истории не раз. Но такая победа будет лишь локальной. К тому же в крайних случаях следует обратиться к сознанию и поддержке большинства напрямую.

Венька замолчал, не пояснив, что он имеет под этим ввиду, только обвёл нас взглядом. В этом его взгляде просматривались пренебрежение и жалость к нам, несовершенным и непрощённым овцам.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Венька больше не собирал нас на заседание Совета, и мы между собой почти не общались: было стыдно и неприятно за все последние события, а кроме того, возникли вопросы в связи с последней дискуссией. Постепенно перестала выходить газета, которую прикрыл директор, театр, потому что не позволили выступать приме – Харламовой, сборная школы по баскетболу без переставшего посещать тренировки и игры Левитина проиграла четыре матча подряд, исчез адвокат, и его портфель из отличной крокодиловой кожи никто в школе больше не видел. Общешкольный совет стал придатком педсовета, директор там оставил только тех, кто желал сотрудничать с ним. На языке директора это означало: всегда делать то, что он говорит.

Как-то в конце марта (ещё помню, вечером) всюю разыгралась оттепель. Мы встретились с Венькой в тех же «Трёх слонах» по моей просьбе. Мне надо было поговорить с ним окончательно, понять, кто он и зачем всё, что мы делали. Признаюсь, основной причиной разобратся была обида за Аню. Я почему-то воспринял его поведение по отношению к ней как отношение к себе и захотелось высказать ему всё, что я думаю по этому поводу. Левитин, однако, не удивился, тут же согласился, сказав:

– Я иду на это, Славян, только в знак твоих прежних заслуг.

Когда мы уже были в кафе, я его спросил:

– Ты всё-таки уходишь из школы?

– Да, вчера был разговор с родителями. Они приехали, и дед с бабкой всё рассказали. В общем, нагоняй и опять в другую школу.

– А из прежней почему ушёл?

– Там пацаны забили какого-то бомжа, а свалили всё на меня, хотя и не доказали. Бомжа-то никому и не жалко было – падаль, а шуму...

– Так почему на тебя свалили?

– Я прочёл как-то на классном часе лекцию об истории мировых тайных обществ и там высказался насчёт несознательных импульсивных людей, которые в силу своей энергетически слабой природы недостойны жизни, то есть «баранов». Как у нас бывает – всё восприняли буквально и очень адресно.

– Ты мог бы забить бомжа?

– Если это нужно. Но разве дело в том, чтобы уничтожить или возвысить отдельного человека? Надо создать условия для естественного перераспределения материальных и духовных благ.

– Значит, жизнь отдельного человека для тебя может быть ничем?

Левитин заказал мне и себе пиво и на моих глазах выпил почти всю кружку. И только потом ответил, быстро хмелея:

– Ещё раз поясняю, Мороз, общество равных возможностей – это не общество социального равенства, «бараны» всё равно не воспользуются своим правом, они его пропьют, как я это пиво. И в этом смысле их жизнь не стоит ничего. Но для всех должно быть полное впечатление, что, напротив, возможно всё и право каждого действительно защищено законом. Тайное общество не может существовать в тоталитарных условиях, для него благодатной средой является демократия. Только не пугайся демократии, это всё равно что ругать тропический климат за то, что в его условиях зарождаются бури или вирусы. Демократия – это всё равно хорошо, с «нами» или без «нас». Правда, без «нас» не обходится нигде.

Он шумно отрыгнул и засмеялся:

– Да, я проиграл. Но ты ещё обо мне узнаешь, обещаю. Вот, возьми это.

Он отдал мне маленький серебряный кулон с изображением змеи, обвивающей земной шар.

– Зачем?

– Так, на память. Когда я стану президентом этой страны, я, стоя на трибуне, подниму руки,

вот так, – он показал, как поднимет руки, – а в руках, в ладони, я покажу тебе такой же кулон. Это будет привет всем друзьям от меня.

– Ты никогда не станешь президентом России, Венька, – сказал я откровенно.

Мне вдруг показалось, что я всё про него понял. И тут уж дело было не в Ане и в той личной обиде, которую он мне нанёс.

– Так почему же я не стану президентом?

– Потому что людей не любишь.

– Не обижайся, Мороз, ты хороший парень, но ты – наивный болван. Ты думаешь, что сегодняшняя власть и президент любят людей больше, чем я? Ты ни черта не понимаешь. Но самое плохое – ничего не пытаешься понять.

Венька допил пиво и попытался встать. Я, скрепя сердце, помог ему, довёл до дома, а когда мы уже были у подъезда, сказал:

– Завтра я вызываю тебя. В два часа на пустыре за стадионом, один на один.

– Зачем? Ребячество... – сгримасничал Левитин.

– Может быть. Ты всех нас использовал, и я хочу за это тебе ответить, но не благодарностью, сам понимаешь.

Венька сплюнул в сторону:

– Урод... Такой же недоумок, как большинство.

Меня затрясло, я никогда ещё так не хотел драться, но не ударил его сейчас только потому, что он был пьян. Он нужен мне завтра, в ясном сознании. Венька, шатаясь, скрылся в подъезде, а я пошёл обратно, придавив каблуком в снегу его «подарок». Только бы дождаться завтрашнего дня... Но до последнего момента, если честно, я так и не был уверен в том, что понял в тот день: был мой вызов из-за обиды за себя и за любимую девушку или я дозрел до чего-то другого, до какого-то понимания происходящего во всей его глубине и значимости.

СХВАТКА

Ночью я долго не спал, перед глазами проносились картины завтрашнего дня. Я или он? Когда же задремал, то сразу приснилось, что я дубасил Венькину морду кулаками, а потом он ударом ноги опрокидывал меня. Я даже чувствовал привкус крови во рту и видел эту кровь на грязном снегу. Утром проспал на первый урок. Пришёл только на второй. Венька же не появился вплоть до последнего, шестого урока. Шестым уроком была математика. Левитин как ни в

чём не бывало вошёл в класс, сел за стол, спокойно слушал Зою Олеговну, или мне так казалось? В середине урока он написал записку и, не глядя на меня, передал её. Там было написано: «Надеюсь, не забыл?»

Я ответил: «Нет!»

С каждой минутой моё волнение нарастало. Проигрывать я не имел права, просто не имел, но Венька как-то хвастал, что друг его отца (какой-то Роберт из Литвы) учил его японским единоборствам – смеси дзюдо и карате. Чего уж греха таить, идя с ним на открытое единоборство, я сильно рисковал и, честно говоря, опасался его.

На пустыре никого не было. Ситуация как по заказу: дерись не хочу. Я пришёл первым, взял в руки пригоршню рыхлого, влажного снега, растёр руки, чтобы увеличить приток крови в пальцах и эмоционально как-то подстегнуть себя, глубоко вдохнул несколько раз тёплый воздух. Если не получится ударить его как следует, вцеплюсь в лицо, разорву его зубами, оставлю отметину за то, что по его милости Аня навсегда теперь будет помнить о мне, Морозове, как о ничтожестве и никогда уже мне ничего невозможно будет изменить, никогда... «Всё-таки причина в Ане, – подумал тут же. – Эх ты, борец против вредных идей...»

Почти сразу появился Левитин. Он был спокоен, даже весел.

– Ну что, Мороз, и сейчас не передумал?

– Нет.

– Зря. Я тебе вот что хочу сказать: ты упустил возможность, которую многие ждут всю жизнь.

– Какую?

– Быть избранным.

Левитин не спеша скинул пуховик, сбросил шапку, оставшись в одной водолазке, размял пальцы в перчатках.

Я смотрел ему в лицо. Нельзя прятать глаза в такой момент:

– Нет, Левитин, я не возможность упускаю, а камень с души сбрасываю.

Мне хотелось задеть его за живое и как можно больнее, а с другой стороны, я действительно чувствовал сейчас облегчение: я хотя бы заочно исправлял свой позор перед Ней и перед самим собой.

– Ты пророчил нам свободу, – говорю ему, – а свободы не было. Твоя свобода – выдумка для дурачков, которыми мы были. Поначалу.

Левитин впервые как-то странно, очень серьёзно посмотрел на меня. Я тоже скинул куртку и шапку, обратил внимание на то, что Венька был в лёгких туфлях. Он надеялся активно двигаться, что ж, моя задача этого не позволить. На моих же ногах – тяжёлые ботинки с широкой устойчивой подошвой.

Мы сошлись вплотную. Моего лица касалось возбуждённое дыхание Левитина. Глаза Веньки да и мои, наверно, в этот момент ничего не выражали, они были плоскими и пустыми, как бы сосредоточенными внутрь. Все рецепторы сознания готовились к боли, и окружающая действительность, способность мыслить, чувствовать воспринимались как малозначащие вещи. Потом мы разошлись и заняли боевые позиции. То, что произошло в следующую секунду, удивило нас обоих. За его спиной возникли пацаны. Я узнал Северянина и Савина, ну конечно, и Запашного (отличничек хренов), ещё были Бойченко, Лебедев, другие... Всего с десяток человек. Северянин и Савин тоже скинули куртки.

– Ну вот, у нас тут сейчас пройдёт открытое заседание Тайного совета, – сказал Венька. – Мы будем судить отступников.

– Кто кого осудит, мы ещё посмотрим!

Я оглянулся на голос и ахнул. Ко мне подходил Родион, это он ответил Левитину. И другие пацаны: Семагин Юрка, Антон Сажин, Извеков Серёга... Примерно столько же, сколько было рядом с Левитиным. «Откуда пацанам стало известно моё с Венькой намерение, как они нашли нас здесь?» – это была, пожалуй, последняя чёткая мысль в моей голове до начала драки. Нет, ещё подумалось, что всё-таки Левитин где-то ошибся, раз противостояние возникло, а может... может, не он ошибся, а эти его идеи неизбежно рождаются в конце концов и несогласных. Только вот надо, чтобы о них люди знали, как можно больше людей. Тогда будет больше несогласных, как здоровых клеток против вируса...

Но вот та сторона рванулась в наступление, я получил сильнейший удар в лицо от Левитина, и снег, и всё вокруг задрожало. Правый глаз почти сразу перестал видеть, а голова загудела. Покачнувшись и теряя равновесие, я всё же успел услышать голос Родиона:

– Славка, у этого козла свинец в перчатке!

Но мне было всё равно, я падал навзничь и ничего не ощущал. Прохладный снег обжёт и покарябал лицо, я с трудом заставил себя подняться, сплёвывая кровь. Всё происходящее теперь

уже казалось не вполне реальным. Родька сцепился с Левитиным, опрокинул его на снег, начал долбить по лицу кулаками. Вокруг была куча мала и стоял такой рев, что я не слышал ни одного членораздельного слова, а может, это так ревели кровь в моей башке.

– Родион, я сам, не лезь! – захрипел я, отбросил Родиона и поднял Левитина.

Взял его за перчатку. Под ней был твёрдый выступ.

– Что, неужели свинец вставил?

– Это ещё не тот свинец, которого вы оба заслуживаете, – задыхаясь, ответил Венька и сделал движение в мою сторону.

Но я не дал ему снова ударить меня, нанёс удар первым. Венька устоял на ногах, врезал мне под дых, я перестал дышать, но из последних сил, навалившись на него, вцепился мёртвой хваткой зубами прямо в лицо, где-то в районе челюсти. Он заорал от боли и, уже лежа на снегу подо мной, ударил меня кулаком в висок. Я сполз в сторону, пытаюсь восстановить дыхание. Когда не можешь вдохнуть и выдохнуть это страшно, ничего страшнее нет. Левитин поднялся, но, к моему удивлению, не начал меня пинать... А самый был подходящий момент. Он... побежал. Я услышал обрывки его последних слов:

– Вам двоим... хоть через год, хоть... достану!

Вслед за ним рванула прочь остальная его команда. Вдогонку Родион успел пнуть Запашного по заднице. Крепкий удар получился, брюки лопнули...

Когда всё закончилось, мы долго смеялись, пожимая друг другу руки. Я спросил, как парни узнали о драке. Оказывается, Венька проболтался кому-то по телефону в тот же вечер, когда я его проводил из кафе. Тоже мне, конспиратор. Ну а дальше как по беспроводному телефону пошло-поехало... Родион предложил пойти к нему домой привести себя в порядок. И действительно, у меня разбито лицо, наливаются огромный синяк, болит кисть, у него на лбу ссадина, и выбит палец на руке. Чтобы дойти до Родькиного дома и не стать при этом по причине своего живописного вида объектом внимания кого-то из руководства школы или преподавателей, нам пришлось под большим углом её обогнуть. Это посещение его дома было очень кстати, потому что у меня к Родиону появились некоторые вопросы. Кстати, оказалось, что Ро-

дион обладает познаниями в плане излечения от травм:

– Первые два-четыре часа – лёд, потом – «Быструмгель» или «Троксевазин». У меня есть ещё приборчик «Дэнос», током прожварим – и порядок – физиолечение на дому. Но сначала лед.

Он забрался в холодильник, натряс из формочек льда, завязал по целлофановому мешку, и мы расположились рядом на его диване. Я спросил осторожно:

– Родька, а кто рассказал Игорю Ивановичу о Тайном совете?

– Я.

– Зачем?

– Мне стало ясно, что Левитин нас вербует в какую-то дрянь, а все его задумки так, только видимость. А историка и... Аню, не обижайся, мне жалко.

– Ну, знаешь, жертву из него делаем. В сауну ему захотелось с шестнадцатилетней девчонкой!

– Да не было никакой сауны.

– То есть?

– Ну не было!

– А ты почему так уверен, Венька же показывал фотографии?

– Всё правильно, только эти фотографии я сам делал по его заданию. А одну, где вывеска «Сауна «Зодиак», смонтировал. Ты же знаешь, я фотомонтажом и раньше ради хохмы занимался.

Я от досады отвернулся: как это сразу не пришло в мою голову!

– Ну ты... Всё же могло быть совсем по-другому!

Родька ничего не ответил, встал, притащил из кухни чайник.

– Давай лучше чаю попьём и хорошенько покумекаем.

– О чём?

– Как нам историка в школу вернуть. Придётся идти к директору, просить. Я расскажу, как делал фотографии...

Мы долго хлебали чай и обсуждали, как воевать за Игоря Ивановича. Потом я спросил Родиона:

– Слушай, что думаешь, Левитин выполнит обещание насчёт нас?..

– Вполне возможно, что попытается.

– Ты серьёзно?

Родион передал мне несколько книг:

– Вот, это передал мне Игорь Иванович, когда я всё ему рассказал. Он попросил обязатель-

но показать ребятам и тебе тоже. Он всё равно хорошо к тебе относится.

– А что это за книги?

– Это книги про тайные общества, в том числе и про то, которое пытался Венька создать. Понимаешь, Мороз, тут дело-то непростое. Оказывается, всё это не только Венькина фантазия. Всё гораздо серьёзнее. Мы с тобой вступили в настоящее Тайное общество, которое существует, и оно очень сильно в мире, в стране. Поэтому в Венькины угрозы я верю. Не факт, конечно...

На прощание Родион помимо книг передал мне тубик с тональным кремом:

– Вот, возьми, чтобы фингала видно не было.

– Мне теперь фингалы не от кого прятать, – сказал я с грустью.

Заболотнов меня сразу понял, только развёл руками: тут, мол, дружище, ничего не поделаешь.

* * *

В середине апреля Родиона не стало. Я серьёзно. Я так же, как и вы, не могу в это поверить. Официальная причина – передозировка наркотиков. Это показали результаты вскрытия. Хотя раньше за Родионом никто из нас такого греха не замечал. Нет, Венька вроде бы здесь ни при чём, он к этому времени уже был за границей – стопроцентное алиби. Родители ушли с работы, забрали его с собой. В школе говорят, что они чуть ли не жить остались в США. Но тогда кто при чём?

Игорь Иванович в школу не вернулся, несмотря на все усилия мои и Родиона. Он уже работал в другой школе и ничего менять не захотел. Аня перешла в эту же школу. Наверно, они поженятся. А там – жизнь покажет. Я желаю счастья ей, но не ему, по известным причинам. Он

так и останется для меня всего лишь соперником.

Директора после всей этой истории сняли с работы – результат большого расследования управления образования. Хотя зря они так круто, ведь идея самоуправления сама по себе интересна. Но в итоге в школе всё стало по-прежнему. Савин, Северянин, Запашный с той поры как-то потерялись, мы с ними не общаемся, но держатся они вместе, и это странно. Кто знает, может, вновь, через годы, соединит их с Венькой незримая нить тайного братства. Границы, как говорил нам Левитин, не помеха.

В июне, на выпускном вечере, я, как и ребята, попрощался с юностью, клялся в том, что мы никогда не забудем друг друга, и неожиданно понял: это тоже обряд, но не столько прощания, сколько посвящения во взрослую жизнь, где каждому из нас открывать мир с разных сторон – светлых и тёмных, учиться распознавать их, эти самые стороны, и делать свой личный выбор, как жить.

Утром я возвращался один домой. С Москвы-реки веяло свежим ветром. Я смотрел на воду, думал о Родионе, о Веньке, об Ане. Сунул руку в карман брюк и... как ошпаренный выдернул её, зажав в ладони нечто, напоминающее пуговицу. Разжал ладонь и увидел тот самый кулон со змеей. Я же выбросил его, когда проводил Веньку после кафе! Как эта фигня могла снова ко мне попасть? Сердце тревожно заколотилось, я понял: бремя странной клятвы вовсе не сброшено с меня, оно осталось где-то в глубине души. Сразу же вспомнились Венькины слова, те самые, произнесённые в кафе с оттенком превосходства и скрытой угрозы: «Когда я стану президентом этой страны...» И еще: «Без нас не обходится нигде».

2009

